

Константин Бальмонт

ЛИТУРГИЯ КРАСОТЫ

Стихийные гимны

Вся Земля – моя, и мне дано пройти по ней.
Аполлоний Туанский

*Люди Солнце разлюбили, надо к Солнцу их вернуть,
Свет Луны они забыли, потеряли Млечный Путь.*

*Развенчав Царицу-Воду, отрекаясь от Огня,
Изменили всю Природу, замок Ночи, праздник Дня.*

*В тюрьмах дум своих, в сцепенье зданий-склепов, слов-могил
Позабыли о теченье Чисел, Вечности, Светил.*

*Но качнулось коромысло золотое в Небесах,
Мысли Неба, Звезды – Числа, брызнув, светят здесь в словах.*

*Здесь мои избрали строки, пали в мой журчащий стих,
Чтоб звенели в нем намеки всех колодцев неземных.*

*Чтоб к Стихиям, людям бледным, показал я светлый путь,
Чтобы вновь стихом победным в Царство Солнца всех вернуть.*

ПРАЗДНИК СЕРДЦА

Cada mañana hallarás, alma
mía, á la puerta de tu casa á todo
el universo.
Diego de Estella

Каждое утро, душа, ты найдешь
у двери своего дома весь мир.
Диего де Эстелья

МОЙ ЗАВЕТ

Я не устану быть живым,
Ручей поет, я вечно с ним,
Заря горит, она – во мне,
Я в вечно-творческом Огне.

Затянут в свет чужих очей,
Я – в нежном золоте лучей,
Но вдруг изменится игра,
И нежит лунность серебра.

А Ночь придет, а Ночь темна, –
В душе есть светлая страна,
И вечен светоч золотой
В стране, зовущейся Мечтой.

Мечта рождает Красоту,
Из нежных слов я ткань плету,
Листок восходит в лепесток,
Из легких строк глядит цветок.

Мгновений светлый водопад
Нисходит в мой цветущий сад,
Живите ж все, любите сон, –
Прекрасен он, кто в Жизнь влюблен.

ТРИ СТРАНЫ

Строить зданья, быть в гареме, выходить на львов.
Превращать парей соседних в собственных рабов.
Опьяняться повтореньем яркой буквой я, –
Вот, Ассирия, дорога истинно твоя.

Превратить народ могучий в восходящесть плит,
Быть создателем загадок, сфинксом Пирамид,
И, достигши граней в тайнах, обратиться в пыль, –
О, Египет, эту сказку ты явил как был.

Мир опутать светлой тканью мыслей-паутинок.
Слить душой жужжанье мошки с грохотом лавин,
В лабиринтах быть как дома, все понять, принять.
Свет мой, Индия, святыня, девственная мать.

Много есть еще созданий в мире Бытия,
Но прекрасна только слитность разных ты и я,
Много есть еще мечтаний, сладко жить в бреду,
Но, уставши, лишь к родимой, только к ней приду.

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ

Я знаю, что Брама умнее, чем все бесконечно-имянные боги.
Но Брама – Индиец, а я – Славянин. Совпадают ли наши дороги?
О, Брама – Индиец, а я – Скандинав, а я – Мексиканец жестокий.
Я – Эллин влюбленный, я – вольный Араб, я – жадный, безумный, стокий.
Я – жадный, и жить я хочу без конца, не могу я насытиться лаской.
Не разум люблю я, а сердце свое, я пленен многозвучною сказкой.
Все краски люблю я, и свет Белизны не есть для меня завершение.
Люблю я и самые темные сны, и алый цветок преступления.
Оранжевый, желтый, и красный огонь мне желанен, как взор темно-синий.
Не знаю, что лучше: снега ли вершин или вихри над желтой пустыней.
И стебель зеленый с душистым цветком – прекрасен, прекрасна минута.
Не странно ли было б цветку объявить, что он только средство к чему-то.
И если ты викинга счастья лишишь – в самом царстве Валгаллы рубиться,
Он скажет, что Небо беднее Земли, из Валгаллы он прочь удалится.
И если певцу из Славянской страны ты скажешь, что ум есть мерило,
Со смехом он молвит, что сладко вино, и песни во славу Ярила.

К СЛАВЯНАМ

Славяне, вам светлая слава,
За то, что вы сердцем открыты,
Веселым младенчеством нрава
С природой весеннею слиты.

К любому легко подойдете,
С любим вы смеетесь как с братом,
И все, что чужого возьмете,
Вы топите в море богатом.

Враждуя с врагом поневоле,
Сейчас помириться готовы,
Но, если на бранном вы поле,
Вы тверды и молча суровы.

И снова мечтой расцветаясь,
Вы – где-то, забывши об узком,
И светят созвездья, качаясь.
В сознании Польском и Русском.

Звеня, разбиваются цепи,
Шумит, зеленея, дубрава,
Славянские души – как степи,
Славяне, вам светлая слава!

КОЛИБРИ

Тиуй! – Идем!
Мексиканское слово

Колибри, птичка-мушка, бесстрашная, хоть малая,
Которой властью Солнца наряд цветистый дан.
Рубиновая фея, лазурная, и алая,
Сманила смелых бросить родимый их Ацтлан.

Веселым пышным утром, когда Весна багряная
Растит цветы, как солнца, как луны, меж ветвей,
Летунья щебетнула: «Тиуй, тиуй», – румяная,
Как бы цветочно-пьяная, – «Тиуй, – идем, скорей!»

В тот миг жрецы молились, и пение жемчужное
Лазурно-алой феи слышали они.
Пошел народ бесстрашный все дальше, в царство Южное.
И красной лентой крови свои обвил он дни.

И Мексика возникла, виденье вдохновенное,
Страна цветов и Солнца и плясок и стихов,
Безжалостность и нежность, для грезы – сердце пленное.
Сын Бога – жертва Богу, земной – среди богов.

Дабы в Чертогах Солнца избранник знал забвение,
Ему исторгнут сердце агатовым ножом: –
Разбей земные лютни, забудь напев мгновения,
Там в Небе – Девы Солнца, Бог Семицветник в нем.

Богиня Белой Жатвы, Богиня Звездотканности.
Бог Пламя, Бог Зеркальность, Богиня Сердце Гор...
Колибри, птичка-мушка, в безжизненной туманности
Ты сердце научила знать красочный узор!

ЙОНИ-ЛИНГАМ

Напряженно-могучий Лингам,
Восприимчиво-влажная Йони,
Эта песня лелейная – вам.
Жизнь и свет на немом небосклоне.
Завлекательно-жадная Йони,
Безыстомно-горячий Лингам.

Вы – отрада зверям и богам,
Вы – заветная радость людская,
Вы дарите гирлянды векам,

И родятся созвездья, сверкая,
Жизнь – все та же, и вечно – другая,
Нераздельны в ней Йони-Лингам.

Вы подобны пьянящим цветкам,
Вы растете в далеком Тибете,
Вы влечете к чужим берегам,
Это вы – Афродита в расцвете,
Адонис в упоительном лете,
И Милигта, о, Йони-Лингам.

Вы подобны бессмертным цветкам,
Вы светло зажигаете взоры,
И Венера идет по волнам,
Будит Пан задремавшие горы,
И в зеленых пещерах Эллары
Обнимаются Йони-Лингам.

И Изида – добыча мечтам,
И в Истар загорелись порывы,
Стон идет по холмам и лесам.
И глаза так безумно-красивы
У него, андрогинного Сивы,
Сочетавшего Йони-Лингам.

И НЕТ ПРЕДЕЛОВ

Ты создал мыслию своей
Богов, героев, и людей,
Зажег несчетности светил,
И их зверями населил.

От края к краю – зов зарниц,
И вольны в высях крылья птиц,
И звонко пенье вешних струй,
И сладко-влажен поцелуй.

А Смерть возникнет в свой черед, –
Кто выйдет здесь, тот там войдет,
У Жизни множество дверей,
И Жизнь стремится все быстрее.

Все звери в страсти горячи,
И Солнце жарко льет лучи,
И нет пределов для страстей
Богов, героев, и людей.

ПРИЗЫВ

Братья, посмотримте ясно,
Скорбь о невнятном бесплодна,
Девушки, утро прекрасно,
Женщина, будь же свободна.

Что нам скитаться по мыслям,
Что нам блуждать по идеям?
Мы Красоту не исчислим,
Жизнь разгадать не сумеем.

Пусть. Нам рассудок не нужен, –
Чувства горят необманно,
Нить зыбкоцветных жемчужин
Без объяснений желанна.

Эти воздушные нити,
Братья, смотрите, повсюду,
Девушки, вы полюбите,
Радостно ввериться чуду.

ВИНО МИНУТ

«Охраняй врата всех чувств» – завет Готамы
«Умертви себя – ты вступишь в царство Браммы».
Но раскрыл я все закрытые врата.
Мне желанна боль, и с болью – Красота.
И в раскрытости, в разорванности чувства
Дышат бури, светят молнии Искусства.
Смех и пляски, красный цвет и там и тут.
Страх развязки, звук рыданий, звон минут.

«Бойся жизни» – нам грозит иное слово.
Говорят мне: – «В том веление Христово».
О, неправда! Это голос не Христа,
Нет, в Христе была живая Красота.
Он любил, Он Вечность влил в одно мгновенье,
Дал нам хлеб, и дал вино, и дал забвенье.
Боль украсил, Смерть убил, призвав на суд.
Будем жить, и будем пить вино минут!

ВЕСНА

Вот и белые березы.

Развернув свои листы,
Под дождем роняют слезы
Освеженной красоты.

Дождь идет, а Солнце светит,
Травы нежные блестят,
Эту нежность их заметит,
И запомнит зоркий взгляд.

Видя радость единенья
Солнца, влаги, и стеблей,
Дух твой будет как растенье,
Взор засветится светлей.

И войдет в твои мечтанья
Свежесть пышной новизны.
Это – счастье, свиданье,
Праздник Солнца и Весны!

РАСТЕНИЕ

Зародыш, в малом виде, есть полное растенье,
В нем корень, стебель, листья возможно различить.
Едва заметно семя, но жажда наслажденья
Зеленую, из мрака, исторгнет к свету нить.

Корень вниз растет, а стебель кверху убегает.
Но различность устремленья разве расторгает?
Если б не было деленья этих двух стремлений,
Мы не знали бы цветенья красочных растений.

Главный корень – вечно вниз,
А другие – всюду,
Вправо, влево расползлись,
Выше, ниже, но впились
В почвенную грудку, –
В эту толщу, где они
Слышат ночь, и слышат дни,
И доныне искони
Все стремятся к Чуду.
Прорастают каждый час,
И совсем не тяготясь
Тьмою и неволей,
Кормят верхние листки. –
И довольны долей
Корневые волоски,
Через которые ростки
Пьют растворы солей.
Капли влаги жадно пьют,

И для зренья создают
Пышный цвет магнолий.

Но корни есть также иные,
Воздушные корни бывают, не только земные,
И корни есть также, что тянутся смело в воде.
В Природе царит разновидность везде.
Различны узоры резные
Листов и травинок, что дышат, ища.
Воздушные корни плюща
Впиваются в камни стенные,
А корни пшеницы, ветвистой семьей,
Блаженствуют мирно в земле полевой,
И вольно растенья другие
Плодятся, качаясь во влаге живой.

Но так иль иначе, а стебель прямой,
Иль стебель изогнутый, листья лелеет.
И тайная греза растенья, весной,
Иль пламенным летом,
Алеет,
Венчаясь невестой со светом,
Обручаясь с воздушною теплой волной.
Золотится цветок, голубеет,
Многоцветностью млеет,
Ощущенья свои расстилает цветной пеленой, –
В каждом месте ином освеженно-иные,
О, цветы, о, соцветья земные!
Да, есть созвездья, – есть соцветия,
Есть разветвления стеблей.
Прекрасен праздник однолетия,
Когда роскошные соцветия
Роятся в пышности своей.
На стержне колос получается,
На нем сидячие цветки,
Цветочки нежные качаются,
Дыханьем в воздухе встречаются, –
Просторы света широки.
У злаков, полных мудрой сложности,
Взамен цветочков – колоски,
Восторг исчерпанной возможности;
У незабудки – знак неложности –
В односторонность завитки.
Растут различности безгласные;
Как фей немые корабли,
Под ветром зыблются, согласные,
С волны к волне блестят, прекрасные,
Вот тут, вон там, вблизи, вдали.
О, светом, воздухом вспоенные,
И всем, что в почве взять могли.
Живые мысли, в жизнь влюбленные.
Соцветья, дружеством скрепленные.

Созвездья зиждущей Земли!

ТЕМНОМУ БРАТУ

Не верь, мой темный брат,
Внушениям вражды.
Созвездия горят,
Взгляни, о, сын Звезды.

Мы – дети ярких звезд,
Мы в них вовлечены.
Нам к ним сплетают мост
Узывчивые сны.

Не помни, позабудь
О том, что сделал злой,
Ты сам чужую грудь
Не раз пронзил стрелой.

Лишь помни мой намек,
Завет цветов: Гори.
Смотри, любой цветок
Раскрылся – изнутри.

Когда ты помнишь зло,
Ты делаешься злом,
И ты глядишь светло,
Лелея свет умом.

Ты создал сам свой лик,
Все можно изменить.
Вот, в этот самый миг
Идет из света нить.

Возьми ее скорей,
Сплети себе покров
Из ласковых лучей
И самых нежных слов.

И встретим праздник звезд,
Он каждый миг нас ждет.
От звезд лучистый мост
До сердца к нам идет.

БЫТЬ УТРОМ

Тот, кто хочет, чтобы тени, ускользя, пропадали,
Кто не хочет повторений, и бесцельностей печали,
Должен властной рукою бесполезность бросить прочь,
Должен сбросить то, что давит, должен сам себе помочь.
Мир – бездонность, ты – бездонность, в этом свойстве вы едины,
Только глянь орлиным оком, – ты достигнешь до вершины.
Мир есть пропасть, ты есть пропасть, в этом свойстве вы сошлись,
Только вздумай подчиниться, – упадешь глубоко вниз.
О, глубоко видит око! О, высоко ходят тучи!
Выше туч и глубже взоров свет сознания могучий.
Лишь пойми, скажи – и будет. Захоти сейчас, сейчас, –
Будешь светлым, будешь сильным, будешь утром, в первый раз!

СОЛНЦЕ – КРАСНОЕ

Солнце – красное, сказал мне мой родной народ,
И о вольном красном Солнце сердце мне поет.

Так до боли, в жажде воли, все стучит, звучит,
Звук биенья – пенопенье, чувство не молчит.

Сердце, слышу. Мы сложили много звонких строк,
Юг и Север мы воспели, Запад и Восток.

Мы с тобой взрастили, сердце, красные цветы,
Я мечтал – и страстной краской в грезах билось ты.

Ни себя ты не жалело, ни других порой,
Но под Солнцем ты алело, сам я был не свой.

Мы с тобой не сомневались – о, ни в ком, ни в чем,
Мы пьянели, опьянялись – солнечным лучом.

Мы взрастили много смелых ярких лепестков,
Мы учили жгучей силе, власти гордых снов.

Сердце – вольно, Солнце – красно, мир согласен весь,
Там, далеко, свет зажжется, раз ты светел здесь.

Юность, юность, будь же юной, вспыхни, пожелай.
Каждый миг – начало, воля, вечный скрытый Май.

Не напрасно же раскрыл я в пенье звонких строк
Тайну сердца – алость крови – солнечный цветок.

ВЕТЕР

Я вольный ветер, я вечно вею.
К. Бальмонт

С визгом, присвистом напевным
Веет, мечется, гудит.
Ю. Балтрушайтис

Гордый Юргис, ты похитил Ветер, Ветер у меня,
Ты подслушал и расслышал, как он шепчет, нас дразня.
Как свистит и шелестит он возле дрогнувшей листвы,
Возрастает, отвечая завываниям совы.

Вдруг притихнет, и забьется вокруг единого листка,
Над осинкой вьется, вьется, дышит струйка ветерка,
Чуть трепещет, лунно блещет зачарованный листок,
И воздушен, и послушен, заколдован ветерок.

Только слушает, как дышит шаткий лист среди осин,
Между самых, самых чутких, на одной, всего один,
Лист сорвался, покачнулся, и умчался далеко,
Ветерок им наслаждался, бросил дальше, как легко.

Веет, млеет, цепенеет, странным шорохом в сосне,
Зашуршит на сучьях старых, страшно травам в тайном сне.
Над седыми пустырями зашептал он как колдун,
Вот затрясся, и понесся, хохот, стоны, звоны струн.

Вспышки светов. Двух поэтов, бледных скальдов он нашел,
Очертанья всех предметов изменил, и обошел.
Шепот Ветра гордым ведам, вещей Ветер близок им,
За зловещим, тайным следом, мы идем, и мы следим.

То мы вместе, то мы порознь, затаимся меж кустов,
Брат – соперник, враг – помощник, два волхва созвучных снов.
Ветер с нами, он землею, небесами нас ведет,
К одному, смеясь, приникнет, свистнет, крикнет – и вперед.

Не всегда ж мне быть с тобою, если властен и другой,
Звонки хвои в летнем зное – звонко-влажен вал морской.
В смерти, в жизни – я в отчизне, дальше, дальше, миг не ждет,
Тот же дважды я не буду: больше, меньше, – но вперед.

ТАЛИСМАН

Знать, хотеть, сметь, и молчать.
El Ktab

Знать, хотеть, молчать, и сметь – завещал Араб.

Знай, молчи, желай, и смей, если ты не слаб.

Если ж слаб, я говорю вовсе не с тобой,
Уходи, не прерывай сон мой голубой.

Сон мой алый, золотой, сон мой всех тонов,
Чьей усладой каждый миг так цветисто-нов.

Вижу утро, вижу сад, каждый лепесток,
Розы губ, воздушный цвет белых рук и ног.

Розы губ, и губы роз, нежные как стих,
Опьяняющий намек раковин немых.

Звон струны, сплетенья струн, звонкий водоем,
Тело к телу, взор во взор, сладко быть вдвоем.

Раз ты властен, чтоб другой дрогнул, побледнев,
Знай, что вложен в разум твой вкрадчивый напев.

Раз хотеть умеешь ты, научись молчать,
Взор безгласный – для души – прочная печать.

Раз цветок к тебе глядит, ласки ждет твоей,
Наклонись к нему нежней, смелым быть умей.

Но, любя, не торопи розовой зари,
Дай раскрыться лепесткам, медленно гори.

Из познавших новый день мудрым будет тот,
Кто увидит – мрака в свет полный переход.

Венчик нежный обожай, о, счастливец ты,
Видишь, дышат пред тобой яркие цветы.

Сада пышного теперь стал ты властелин,
Где пьянеют гроздья роз, мускус, и жасмин.

Знать, хотеть, молчать, и сметь – радостный завет,
Этот светлый талисман дал нам Магомет.

Помня, сам Пророк сказал, бросив луч в мечты:
«В этом мире я люблю – женщин и цветы».

ЖИВИ

«Живи один», – мне Мысль сказала, –
«Звезда Небес всегда одна.
Забудь восторг, начни сначала.

Дорога скорби – суждена».

«О, нет», – шепнуло ей Мечтанье. –
«Звезда – одна, один – цветок,
Но их дыханья и сиянья
Проходят множеством дорог».

И вечно-юное Стремленье
Прервало их неравный спор.
Взял лютню я, – и волны пенья,
Звения, наполнили простор.

КРУЖЕВНЫЕ УЗОРЫ

*Ipsa jussit mane totae virgines
nubant rosae.
Pervigilium Veneris*

Воля Венеры – чтоб утром
венчались все девушки с розами.
Латинский стих

ЮНАЯ ДЕВУШКА

Милая юная девушка, с глазами как сказка прекрасными,
Как сказка, которую в детстве читал,
С глазами, где небо воздушное зарницами светит неясными,
Ты видишь, ты знаешь: мы близки, тебя я мечтаньем ждал.

И строки с напевностью зыбкой, мои слова торопливые,
Прерывисты, девушка милая, оттого, что, дрожа и звения,
Они навстречу спешат к тебе, и шепчут, счастливо-стыдливые:
«О, сказка, я вижу, я слышу! Ты видишь, ты слышишь меня?»

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Она была в кого-то влюблена.
Дышал Апрель. И зелень молодая
Была светло-девически-нежна.

Узорность облачков, воздушно тая,
В лазури утопала, как мечты,
Сирень пьянила воздух, расцветая.

И девушка, в расцвете красоты,
На утре дней, смотря прозрачным взором,
Преображала все свои черты.

Душа светилась свадебным убором,
И нежная все делалась нежней,
Влюбленность облекала легким флером.

О, девушка, ты в светлой зыби дней,
Средь вод, где волны только закипают,
Баюкают мельканием огней.

И пусть мечты с другим тебя сливают,
Пусть я тебе далекий и чужой,
Мои слова твой сон не прерывают.

К твоей душе я льну своей душой,
С тобой я слит, как луч с лучом, согласный,
Как свет в волне, я нежно, вольно твой.

Люблю тебя, люблю, мой сон прекрасный!

ГРЕЗА

Мне грустно, Поэт. Ты пойми: не весталка я,
И нет, не русалка я, лунно-холодная.
Я только любовница, бледная, жалкая,
Я – греза Поэта, я – в мире безродная.

Меня ты поманишь, капризный, но вкрадчивый,
Я тотчас к тебе из-за Моря спешу,
Стараюсь быть кроткой, послушной, угадчивой,
Тобою одним и свечусь, и дышу.

Глазами в глаза проникаю бездонные,
Любви ты захочешь, – целую тебя,
Как жемчуг, сплетаю созвучья влюбленные,
Устанешь, – страдаю, и таю, любя.

Захочешь, – с тобой я, захочешь, – далеко я,
Все, все, что ты хочешь, тебе отдам,
Но только с тобой – я всегда одинокая,
И я без тебя – одиноко пою.

Ты нежен, Поэт, ты с душою воздушною,
Но нет мне слияния даже с тобой,
Понять ты не можешь подругу послушную,
Хоть часто даришь мне венок голубой.

Ты все ж, хоть Поэт, устаешь от мечтания,
Сливаешься с жизнью людскою – изношенной.
И нет мне слияния, вечно изгнание,
Я – греза, я – призрак любовницы брошенной.

ЖАЛОБА ДЕВУШКИ

О, люди, жалко-скучные, о, глупые затейники,
Зачем свои мечтания в слова вложили вы?
Вы ходите, вы бродите, по селам коробейники,
Но все людские вымыслы поблеклы и мертвы.

Словами захватили вы все радости желанные,
Все тайное лишили вы светло-заветных чар.
И травы грубо топчете, и бродите, обманные,
И, сгорбленные, носите непрошенный товар.

Торгуете, торгуетесь, назойливо болтаете,
Ступая, убиваете безмолвные цветы.
И все, что в мысли просится, на деньги вы считаете,
И в сердце оставляете проклятье пустоты.

О, скупщики корыстные, глядельщики бесстыдные,
Оставьте нас, – ужели же вам мало городов?
Луга мои, мечты мои, неслышные, невидные,
Найду ли для любви моей нетронутых цветов!

СЕРАЯ ПТИЧКА

О, серая птичка, с глазами печальными, черными.
И с грудкою алою, точно в крови, –
Не бойся о клетку, с углами ее, с прутьями железными, узорными.
В клетке – живи.

Ты бьешься, ты бьешься. Ужели еще ты не знаешь всемирной законности?
Кто сеть расставляет, тот в клетке умеет держать.
О, серая птичка, не бойся, подчинись непреклонности,
Научись – даже в клетке, звенеть и дышать.

ПОЛЬСКОЙ ДЕВУШКЕ

В ней есть что-то лебединое,
Лебединое, змеиное.

И поет мечта несмелая: –
Ты ужалишь, лебедь белая?
Б. ***

1

Мне нравятся нежные лепеты сказки,
И юность, и флейты, и ласки, и пляски.
И чуть на тебя я взгляну, – я ликую,
Как будто с тобой я мазурку танцую.

2

Я люблю из женщин тех,
В чьих глазах сверкает смех.
Оттого и без огня
Зажигаешь ты меня.

3

Я люблю. И разве грех,
Что в тебе люблю я смех?
Утро можно ль не любить?
Солнце можно ли забыть?

4

Ты вся мне воздушно-желанна,
Ты вся так расцветно-нежна.
Ты – май. Неужели же странно,
Что весь пред тобой я – весна.

5

Ты вся мне воздушно-желанна,
Так как же тебя не любить?
Ты нежная польская панна,
Так как же мне нежным не быть?

6

Люди скрывают в себе боязливо
Нежное слово – люблю.
Глупые. Ежели сердце счастливо,
Разве я счастьем своим оскорблю!

7

В душе моей были упреки, ошибки,
Но ты предо мной, улыбаясь, предстала,
И вдруг я услышал певучие скрипки,
И мы закружились в веселии бала.

8

В душе моей темное что-то боролось,
В душе моей было угрюмо, пустынно.
Но я услышал твой девический голос,
И понял, как может быть сердце невинно.

9

Отчего душа проснулась?
Я спросил, тревожный, знойный.
Ты безмолвно усмехнулась,
И умчал нас танец стройный.

10

Это счастье откуда?
Но опять, одной улыбкой,
Ты сказала: «Радость чуда».
И помчал нас танец зыбкий.

11

Душа полна растроганности кроткой,
Я в сад вошел, и осчастливлен был
Нежданно-нежною находкой:
Вдруг вижу, вот, я полюбил.

12

Я нашел, весь пронзенный лучами, цветок,
И как тучка на небе, я медлю и таю,
Так желанен мне каждый его лепесток,
Что, смотря на расцвет, я и сам расцветаю.

13

В тебе музыкальные сны,

Зеркальность бестрепетных взоров,
Сверканье певучей струны,
Согласье манящих узоров.

14

Ты вся – светловодный ручей,
Бегущий среди мягких излучин,
Твой взор – чарованье лучей,
Твой смех упоительно-звучен.

15

Ты свет примирительный льешь,
Но вдруг, словно в ткани узорной,
Ты прячешься, дразнишь, зовешь,
И смотришь лукаво-задорной.

16

Будь вечно такою счастливой,
Что, если узнаешь ты горе,
Лишь легкой плакучею ивой
Оно б отразилось во взоре.

17

Когда ты в зеркальности чистой
Допустишь хоть трепет случайный,
В душе моей лик твой лучистый
Все ж будет бестрепетной тайной.

18

Я тебя сохраню невозбранно,
И мечты, что пленительно-юны,
О, воздушная польская панна,
Я вложу в золотистые струны.

19

Когда ты узнаешь смущенность,
О, вспомни, что, нежно тоскуя,
Тебе отдавая бездонность,
В ответ ничего не прошу я.

20

Нежное золото в сердце зажглось.
Если кто любит блистающий свет,
Как же он Солнцу поставит вопрос?
В самой любви есть ответ.

21

О, Польша! Я с детства тебя полюбил,
Во мне непременно есть польская кровь: –
Я вкрадчив, я полон утонченных сил,
Люблю, и влюблен я в любовь.

22

Твой нежный румянец,
И нежные двадцать два года –
Как будто бы танец
Красивого в плясках народа!

ФИНСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Нинике

Спи, моя деточка, глазки свои закрывая,
Спи, моя девочка, птичка моя полевая,
Светлоголовка, усни, хорошо тебе будет,
Спи, моя деточка, Бог тебя завтра разбудит.

Птичке своей Он навеет воздушные грезы,
Сплел колыбель ей Он нежно из листьев березы,
Сон склонился с дремотой, и шепчет сквозь ветку:
Есть ли здесь деточка? Я убаюкаю детку.

Спит ли здесь деточка в мягкой своей колыбельке?
Славно ли деточке в теплой уютной постельке?
Спи, моя девочка, глазки свои закрывая,
Спи, моя деточка, птичка моя полевая.

ОСЕНЬ

Белесоватое Небо, слепое, и ветер тоскливый.
Шелесты листьев увядших, поблекших в мелькании дней.
Шорох листвы помертвевшей, и трепет ее торопливый,
Полное скорби качанье далеких высоких стеблей.

Степь за оградой сада, просторы полей опустелых,
Сонные мертвые воды затянутой мглой реки,
Сказочность облачных далей, безмолвных, печальных, и белых,
Шелесты листьев увядших, их вздохи, и лепет тоски.

Смутная тайна мгновений, которые вечно стремятся,
Падают с призрачным звоном по склонам скалистых времен,
Осени саван сплетают, и траурной тканью ложатся,
Зимний готовят, холодный, томительный, длительный сон.

2

На кладбище старом пустынном, где я схоронил все надежды,
Где их до меня схоронили мой дед, мой отец, мой брат,
Я стоял под Луной, и далеко серебрились, белели одежды,
Это вышли из гроба надежды, чтобы бросит последний свой взгляд.

На кладбище старом пустынном качались высокие травы,
Немые, густые, седые, и сердце дрожало в ответ.
О, надежды, надежды, надежды, неужели мертвы навсегда вы?
Неужели теперь вы мне шлете замогильный, прощальный привет?

На кладбище старом пустынном, – услышал ответ я безмолвный, –
Ты сам схоронил нас глубоко, ты сам закопал нас навек.
Мы любили тебя, мы дышали, мы скользили, как легкие волны,
Но твое охладевшее сердце отошло от сияющих рек.

На кладбище старом пустынном, в безвременье ночи осенней,
За нами приходишь ты поздно, отсюда закрыта стезя.
Посмотри, все короче минуты, посмотри, все мгновенней, мгновенней
В истечении Времени брызги, – и продлить нам свиданье нельзя.

На кладбище старом пустынном, с сознанием, полным отравы,
Под мертвой Луною, сияньем, как саваном, был я одет
И мгновенья ниспали в столетья, и качались высокие травы,
И отчаянье бледно струило свой холодный безжизненный свет.

В БЕЛОМ

Я сидел с тобою рядом,
Ты была вся в белом.
Я тебя касался взглядом,

Жадным, но несмелым.

Я хотел в твой ум проникнуть
Грезой поцелуя.
Я хотел безгласно крикнуть,
Что тебя люблю я.

Но кругом сидели люди,
Глупо говорили.
Я застыл в жестоком чуде,
Точно был в могиле.

Точно был в гробу стеклянном,
Где-то там – другие.
Я – с своим виденьем странным,
В сказке летаргии.

И твои глаза горели
В непостижной дали.
Но мои сказать не смели,
Почему мерцали.

Ты – невеста, ты – чужая.
Ты и он – мечтанья.
Но застыл я, твердо зная,
Что любовь – страданье.

Вижу, вижу, как другого
Счастье ослепило.
Я утратил силу слова,
Но сильна могила.

Кто узнал с другим слиянье,
Тем не возродиться.
Я застыл, как изваянье,
Знаю, нам не слиться.

Смерть свои соткала сети,
Смерть непобедима.
Если есть любовь на свете,
Ты лишь мной любима!

ПРОЩАЙ

За наше «Когда-то» – последний привет.
И больше ни мысли, ни памяти нет.

Что было, то было. Что будет, не ждет.
И Солнце все дальше и дальше идет.

В разбеге прибоя таится отлив.
Но море рокочет, и рокот красив.

Мы счастливы были безумьем любви.
Минутным, неверным меня не зови.

Я нежен, я верен отшедшей мечте.
Но вот уже эти признанья – не те.

И счастлив – я светел – один – как звезда.
Не помни. Не думай. Прощай. Навсегда.

КОЛЬЦО

Нет, наша встреча не случайна,
И помню я твое лицо,
Меж нами дремлющая тайна,
Душа душе дала кольцо.

И нет в словах определенья
Для этой тайны, что вдвоем
Через потоки измененья
Мы не роняя пронесем.

И наших чувств не называя,
Затем, что им названья нет,
Мы будем светлы – вспоминая,
И созерцая тайный свет.

БЫТЬ МОЖЕТ

Быть может, через годы, быть может, через дни
С тобой мы будем вместе, и будем мы одни.

И сердце сердцу скажет, что в смене дней и лет
Есть вечный, негасимый, неуловимый свет.

Он был у нас во взорах, названья нет ему,
Он будет снова – знаю, не зная почему.

Но мы, переменившись во внешностях своих,
Друг другу молча скажем, глазами, яркий стих.

Мы скажем: Вот, мы вместе. Где жизнь? Где мир? Где плен?
Мы – жизнь, и в переменах для сердца нет измен.

Еще, еще мы скажем, но что, не знаю я,
Лишь знаю, что бессмертна любовь и жизнь моя.

Лишь знаю – побледнею, и побледнеешь ты,
И в нас обоих вспыхнут, лишь нами, все черты.

ТЫ ПРИШЛА

Ты пришла, как приходит весна,
Расцвела, как весенний цветок.
И в душе у меня тишина,
Хоть теперь от тебя я далек.

Тишина и созвучие строк,
И дрожанье, и пенье мечты.
Ты нежна, как воздушный намек,
Ты нежна, как ночные цветы.

Сердце хочет всегда Красоты,
Мысли жаждут цветов и зимой.
Ты была и останешься – ты,
Я в минувшем и будущем твой.

Мне не страшно быть порознь с тобой,
И звучит и не молкнет струна.
Ты под снегом, цветок голубой,
Но уж близко вторая весна.

ВНОВЬ

Я вновь хочу быть нежным,
Быть кротким навсегда,
Прозрачным и безбрежным,
Как воздух и вода.

Безоблачно прекрасным,
Как зеркало мечты,
Непонятым и ясным,
Как небо и цветы.

Я вновь хочу быть сонным,
Быть в грезе голубой,
И быть в тебя влюбленным,
И быть всегда с тобой.

СЕРЕБРЯНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Серебряные звезды, я сердце вам отдам,
Но только вы скажите – вы что ночным цветам
Сюда сияньем льете, сияя вечно там?

Серебряные мысли полночной тишины,
Вы нежны и нарядны на Празднике Весны,
Но что в вас тайно дышит? Какие в звездах сны?

Серебряные воды просторов неземных,
В зеркальностях Природы какой поете стих?
Вселенские озера! Потоки вод живых!

Так молча звезды с сердцем старался я сплести,
Душой своей вздыхая у Млечного Пути,
И талисман мечтая меж дружных звезд найти.

Я спрашивал, я слышал незримую струну,
Забыл, глядел ли в Небо, в свою ли глубину,
Но я любил, лелеял влюбленность и Весну.

Душа моя дрожала от пенья тайных строк,
В душе моей раскрылся неведомый цветок,
Узнать его название я никогда не мог.

Но весь я полон пенья, сиянья странных снов,
О, праздник обрученья Небес и лепестков,
О, таинство венчанья созвездий и цветов!

МАНДОЛИНА

Светлый голос мандолины сладкой лаской прозвучал,
Точно кто-то поцелуй мой с поцелуем обвенчал.

Точно кто-то, властным словом, вызвав к жизни брызги струй,
Дал им литься, дал им слиться в долгий влажный поцелуй.

О, Неаполь! Волны Моря! Афродиты колыбель!
Легкий звон растет, лелея. Веет млеющий Апрель.

Белый снег в горах растаял, блеском влажности плывет.
Капля с каплей тесно слиты, ключ звенит, и ключ зовет.

Возвеличились, запели, закипели ручейки,
И в русле, как в колыбели, стало тесно для реки.

И река, в своем стремленьи, впала в Море, в блеск и гул,
В пенной зыби, в смутном пенье, призрак ласковый мелькнул.

Губы – нежный цвет коралла, очерк бледного лица,
Струи, струи, поцелуи, струи, струи, без конца.

Сладкий голос мандолины, Итальянский светлый сон,
Нежный с нежным, близок мысли, юным с юным, в Жизнь влюблен.

НОЧНОЙ ЦВЕТОК

Вновь и вновь струятся строки
Звучно-сладостных стихов,
Снова зыблются намеки,
Вновь ищу во тьме грехов.

Темной ночью, глухо спящей,
Еле слышно в сад иду,
И под чашей шелестящей
С красотой речь веду.

«Красота моя, ты любишь?
Если любишь, будь моей».
«Милый, ты меня погубишь,
Милый, милый, пожалей».

Миг борьбы взаимно-нежной,
Спешный, слышный стук сердец,
Свет незримый, свет безбрежный, –
О, блаженство! Наконец!

Мглой ночью, черноокой,
Много скрыто жгучих снов.
«Милый, милый, ты – жестокий!»
В оправданье нужно ль слов?

Тот, кто любит, разве губит,
Раз желанное берет?
Он лишь нежит, он голубит,
В сердце мед он сладко льет.

И не ночью ли глубокой,
О, блаженство красоты,
Под лазурью звездоокой
Дышат нежные цветы?

Не во тьме ли, опьяненный,
Мглу поит ночной цветок,

Не жалея, что влюбленный,
Наконец, раскрыться мог?

ЛУННЫЙ СВЕТ

Легкий лист, на липе млея,
Лунный луч в себя вобрал.
Спит зеленая аллея,
Лишь вверху поет хорал.

Это – лунное томленье,
С нежным вешним ветерком,
Легкость ласк влагает в пенье
Лип, загрезивших кругом.

И в истоме замиранья
Их вершины в сладком сне
Слышат лунное сиянье,
Слышат ветер в вышине.

Свет Луны и ветер вешний,
Бледный ландыш спит в тени,
Греза, видит сон нездешний,
Дню хранит свои огни.

Полон зыблемого звона,
Легкой грезы и весны,
С голубого небосклона
Принимает луч Луны.

Лик Луны, любовь лелея,
Мир чарует с высоты.
Спит зеленая аллея,
Спят деревья и цветы.

«BEN ESCRIVIA MOTZ ET SONS»

О забытом трубадуре, что ушел в иной предел,
Было сказано, что стройно он слагал слова и пел.
И не только пел он песни, но умел их записать,
В знаки, в строки, и в намеки жемчуг чувства нанизать.

Эти песни трубадура! Эти взоры chatelaine!
Эти звоны, перезвоны двух сердец, попавших в плен.
Я их вижу, знаю, слышу, боль и счастье их делю,
Наши струны вечно-юны, раз поют они: «Люблю».

Мертвый замок, долгий вечер, мост подъятый, рвы с водой,
Свет любви, и звон мгновенья вьются, льются чередой.
Нет чужих, и нет чужого, нет владык, и нет рабов,
Только льется серебристый ручеек напевных слов.

О, ручей, звончей, звончее. Сердце просит, мысль зовет.
Сердце хочет, мысль подвластна, власть любви – как сладкий мед.
Эта власть раба равняет с самой лучшей из цариц.
Взор темнеет, сказка светит из-под дрогнувших ресниц.

Эти песни трубадура! Эти взоры *chatelaine*»
Сколько пышных стран раскрылось в двух сердцах среди темных стен.
Раб – с царицей, иль рабыня наклонилась к королю?
О, любите, струны – юны, раз поют они: «Люблю»!

ЧЕРНАЯ ОПРАВА

Die Hochzeit kam für Licht
und Finsterniss.
Nietzsche

Свадьба настала для Света и
Тьмы.
Ницше

ПЛЯСКА АТОМОВ

Яйцевидные атомы мчатся. Пути их – орбиты спиральные.
В нашем видимом явственном мире незримая мчится Вселенная,
И спирали уходят в спирали, в незримости – солнца овальные,
Непостижные в малости земли, планетность пылинок бессменная.

Сочетанья, сплетенья, круженье потока сокрыто-мальстрёмного,
Да и нет этих атомов зыбких, в слиянье с эфирным течением,
Пляски дикого смерча, циклона, безмерно-бездонно-огромного,
Изначальное празднество чисел, закрученных сложным стремлением.

В чем их цель, в чем их смысл, этих плясок, зачем коловратность бессменная,
Не дознались Индийцы, Китайцы, не ведала мудрая Греция,
И о смысле их шабаша знает надменная мысль современная
Так же мало, как старые песни, наивные песни Лукреции.

Но несчетности атомов мчатся, Вселенная дышит Вселенными,
Несосчитанность явностей наших с бездонной Незримостью скована,
И желанно ли нам, нежеланно ль быть вакхами, будучи пленными,

Но кружиться должны мы, должны мы – зачем? – нам узнать не даровано.

ИХ ДВОЕ

Довременно Доброе Начало,
Довременно и Начало Злое.
Что сильнее, – Мысль мне не сказала,
Лишь одно известно мне: – Их двое.

Гений неразлучен с темным Зверем,
Лик Огня – в эбеновой оправе,
Веря в Бога – в Дьявола мы верим,
Строим Замок – быть при нем канаве.

Ты дрожишь, облыжное Мечтанье,
Как собака под хлыстом владыки?
Маятника лживое болтанье,
В Замке – песни, в подземелье – крики.

Маятник – прикованный и медный,
Мечется и вправо он и влево,
Эта сказка – кажется мне бледной,
Я дрожу от бешеного гнева.

Я дрожу – и Мысли нет исхода,
Раз я светлый – весь мой мрак откуда?
Красота – в объятиях уроды,
Бог Христос – и рядом с ним Иуда.

Тут и Чудо – Мысли не поможет,
Потому что разум мой – не чувство,
Потому что Мысль играть не может,
И не прячет доводов в Искусство.

Если Мир – как Мир – противоречье,
Я не знаю, чем он разрешится.
В Вавилоне – разные наречья,
И всезрящей башне – ввысь не взвиться.

Умствователь нищий, я слабею,
Предаюсь безумному Поэту,
Боль зову я правдою своею,
В темной Ночи песнь слагаю Свету.

ПРОНУНСИАМИЭНТО

Снова Тень, и снова Дьявол, снова Тень, и снова боги,
Снова тягость перекрестков, и несчетные дороги.
Будет, будет. Надоело. Есть же мера наконец.
Если жалкую повторность ты не видишь, ты – глупец.

Или нужно в самом деле нам вздыхать, бледнеть всечасно?
Даже глупая ищейка устает искать напрасно.
И тогда ее хозяин прочь с собой ведет домой:
И не скажет: «Псу – усталость!» И не скажет: «Отдых мой!»

Нет, собаку холит, кормит – кто идет за красной дичью.
Это только справедливость, тут и места нет величью.
Мы же, люди, кто мы? Что мы? – Кто не слеп, тот сам суди:
Мы – охотник, мы – собака, или – зверь с копьём в груди?

Выбирайте. Только, братья, раз хотите вы лохмотий,
Я вам больше не товарищ, здесь, на этом повороте.
Брама, Вишну, Сива, Эа, Мирри-Дугга, Один, Тор,
Витцлипохтли, маски, маски, это все сплошной позор.

В лабиринтах ли Индийских, или в бешеной Валгалле,
На уступах пирамидных Мексиканских теокалли,
Всюду – Демону в угоду – истязание умов,
Трепет вырванного сердца, темный праздник, темный ров.

Жертва, жертва, нож вонзенный, ужас взора, кровь из груди,
Растоптанье, осквернение, одураченные люди.
Прочь, кошмары, Ночь провальна, прочь, Дракон, и прочь, Змея,
Я люблю одну бездонность, это – Воля, это – Я.

Вера в Тени это только – мозговая паутина,
Призрак Дьявола – попутчик Привиденья-Исполина.
Против этих двух Бактерий прибегаю я к Лучу: –
Нет их больше! Нет их больше! Больше Чудищ не хочу!

МИРОВАЯ ТЮРЬМА

Когда я думаю, как много есть Вселенных,
Как много было их, и будет вновь и вновь,
Мне Небо кажется тюрьмой несчетных пленных,
Где свет закатности есть жертвенная кровь.

Опять разрушатся все спайки, клейки, скрепы,
Все связи рушатся, – и снова будет Тьма.
Пляс жадных атомов, чудовищно-свирепый,
Циклон незримостей, стихийная Чума.

И вновь сомкнет, скует водоворот спиральный,
Звено упорное сложившихся планет,

И странной музыкой, безгласной и печальной,
В эфирных пропастях польется звездный свет.

И как в былые дни, чтоб прочным было зданье,
Под основание бывал живой зарыт, –
В блестящих звездностях есть бешенство страданья,
Лучист Дворец Небес, но он из тяжких плит.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Мучительная слитность
Волны с волной, волны с волной, в туманной неразрывности.
Томленье, беззащитность
Всех наших дум, всех наших снов, во всей их страшной дивности.

Волна волной быть хочет,
Но прочь уйти от прочих волн никак нельзя в Безбрежности.
И сердцу ум пророчит,
Что каждый миг, что каждый луч есть отблеск Безнадежности.

БОГ ОКЕАН

Волны морей, беспредельно – пустынно – шумящие,
Бог Океан, многогласно-печально – взывающий.
Пенные ткани, бесцельно – воздушно – летящие,
Брызги с воздушностью, призрачно – сказочно – тающей.

Горькие воды, туманно – холодно – безбрежные,
Долгий напев, бесконечно – томительно – длительный,
Волны морей, без конца – без конца – безнадежные,
Бог Океан, неоглядно – темно – утомительный.

ГОРЕНЬЕ

Изначально горенье Желанья,
А из пламени – волны повторные,
И рождаются в Небе сиянья,
И горят их сплетенья узорные.

Неоглядны просторы морские,
Незнакомы с уютом и с жалостью,
Каждый миг эти воды – другие,
Полны тьмою, лазурностью, алостью.

Им лишь этим и можно упиться,
Красотою оттенков различия,
Загораться, носиться, кружиться,
И взметаться, и жаждать величия.

Если ж волны предельны, усталы,
В безднах Мира, стеной онемелою,
Возникают высокие скалы,
Чтоб разбиться им пеною белою.

МУДРЕЦЫ ГОВОРЯТ

Мудрецы говорят: описать нам Его невозможно,
Трижды темная Тайна, хоть Он – ослепительный Свет.
Лишь скажи утвержденье, – оно уж наверное ложно,
Все реченья о Нем начинаются с возгласа: «Нет».

Нет в Нем скорби, ни жизни, ни смерти, ни снов, ни движенья,
Но, скорбя со скорбящим, с живущим живет Он как брат.
И повсюду, во всем, ты увидишь Его отраженья,
Он в зрачках у тебя, Он твой первый, последний твой взгляд.

Не терзайся, душа, если речь рассказать неспособна
То, что, будучи Словом, бежит от несчетности слов.
Капля каждая – видишь – играет и искрится дробно,
И не капле явить Океан, без теснин берегов.

Мудрецы – говорят. Но не медли, душа, с мудрецами,
Если хочешь побыть с Тем, Кто в каждой песчинке пустынь.
Видишь – горы горят снеговыми своими венцами?
Их молчанье – с душой, их молчанье есть область святынь.

Лишь вступи в этот мир, или пенью внимай Океана, –
Ты вздохнешь и поймешь, что беседует Кто-то с тобой,
И закроется в сердце глубокая алая рана,
И тонет душа в Белизне, в глубине голубой.

КАК ЗНАТЬ!

Далеко идут – идут пути.
Ждут ли нас, в конце их, за горами?
Есть ли Бог? Он сжалится ль над нами?
Есть ли Бог, и как Его найти?

Затаив невыраженный вздох,

Я прошел несчетные дороги.
Мозг болит, болят глаза и ноги.
Я не знаю, братья, есть ли Бог.

Все устали в тягостном пути.
Вот, теперь последняя дорога.
Если даже здесь не встретим Бога,
Больше нигде Бога нам найти.

Страшный путь. Уступы. Скудный мох.
Западнями – всюду щели, срывы.
Будем ли в конце концов счастливы?
Как узнать! Как знать, какой Он, – Бог!

НЕ ОБВИНЯЙ

Не обвиняй, не обвиняй. Быть может, он неправ.
Но он в тюрьме твоей забыл пучок душистых трав.
И он в тюрьме твоей забыл замуровать окно.
И Мир Ночной, и Мир Дневной идут к тебе на дно.

Ты потонул. Ты здесь уснул. И встать не можешь ты.
Но вот в тюрьме глядят, растут, и царствуют цветы.
На месте том, где ты лежишь, как труп ты должен быть,
Но сердце знает, что нельзя созвездья не любить.

Не обвиняй, не обвиняй – хотя бы потому,
Что обвиненьем все равно не повредишь ему,
А только сделаешь свой взор тяжелым и больным.
И, если вправду он неправ, сравнишься ты с ним.

А если то не случай был, что он забыл цветы?
А если то не случай был, что Небо видишь ты?
Как взглянешь ты, когда он вдруг в тюрьме откроет дверь,
Отворит дверь, что заперта, закована теперь?

Я знаю, больно ждать того, что только может быть.
Но счастлив тот, кто даже боль сумеет полюбить.
Я знаю все. Мне жаль тебя. Но чу! Цветы – цветут.
Мой брат, я – дух того, кто был – в твоей тюрьме – вот тут.

ОТЗВУКИ БЛАГОВЕСТА

В неподвижности, в безгласной летаргии
Прибрежных скал, молчащих над водой,
Молчащих век, века, еще, другие,

Молчащих в безглагольной летаргии, –
Есть смысл – какой? – не уловить мечтой,
Но только вечный, благодостный, святой,
Сильней, чем все напевности морские.

БЕЗВРЕМЯ

Запад и Север объаты
Пламенем вечера сонного.
Краски печально-богаты
Дня безвозвратно-сожженного.

Ветер шумит, не смолкая,
Между листов опадающих.
С криком проносится стая
Птиц, далеко улетающих.

Счастлив, кто мудро наполнил
Хлебом амбары укромные.
Горе, кто труд не исполнил,
Горе вам, мыслями темные!

ТЕНЬ ОТ ДЫМА

Мое несчастье несравнимо
Ни с чьим. О, подлинно! Ни с чьим.
Другие – дым, я – тень от дыма,
Я всем завидую, кто – дым.

Они горели, догорели,
И, все отдавши ярким снам,
Спешат к назначенной им цели,
Стремятся к синим небесам.

Великим схвачены законом,
Покорно тают в светлой мгле.
А я, как змей, ползу по склонам,
Я опрокинут на земле.

И я хотел бы на вершины
Хоть бледным призраком дойти,
Они – для всех, они едины,
Но я цепляюсь по пути.

Увы, я сам себя не знаю,
И от себя того я жду,

Что преградит дорогу к Раю,
Куда так зыбко я иду.

ВОСПОМИНАНИЕ

Снежные храмы в душе возвышаются,
Горные замки из чистого льда,
Вспоминаньем они называются, –
Но не тревожь их мечтой никогда.

Некогда жившие, страстно любившие,
Вставшие светлой немой чередой,
Вспоминанья кристаллы застывшие, –
Но не буди их тревожной мечтой.

Вспоминанья граничат с раскаяньем,
Только их тронешь горячим лучом,
Льды разомкнутся, смягченные таяньем, –
Снежные глыбы польются ручьем.

Белые хлопья, потоками мутными,
Жадные, падают вниз с высоты,
С комьями грязи несутся попутными, –
Вспоминание, это ли ты?

Где же все чистое? Где все невинное?
Храмы и замки из снега и льда?
Вспоминания – тяжесть лавинная, –
О, не тревожь их мечтой никогда!

ГЕНИЙ МГНОВЕНЬЯ

Ко мне приходят юноши порой.
Я их пленяю ласковой игрой
Моих стихов, как флейта, лунно-нежных,
Загадкой глаз, из мира снов безбрежных.
Душа к душе, мы грезим, мы поем.
О, юноши, еще вы чужды грязи,
Которую мы буднями зовем.
Ваш ум – в мечте опаловой, в алмазе,
В кораллах губ, сомкнутых сладким сном.
Но вы ко мне приходите наивно,
Моя мечта лишь призрачно-призывна.
Зову, но сам не знаю никогда,
В чем свет, мой свет, и он влечет – куда.
Но я таков, я с миром сказок слитен,

Как снег жесток, – как иней, беззащитен.

ЧИТАТЕЛЬ ДУШ

Читатель душ людских, скажи нам, что прочел ты?
Страницы Юности? Поэмы Красоты?
– О, нет, загасканы, истерты, темны, желты
В томах людской души несчетные листы.

Я долго их читал, и в разные наречья
Упорно проникал внимательной мечтой,
Все думал в их строках нежданность подстеречь я,
Искал я тайны тайн за каждой чертой.

Я родился чтецом, и призрачные строки
Полуослепший взор волнуют, как всегда,
Я жажду островов, ищу, люблю намеки,
Их мало, и горька в морях души вода.

За днями странствия, усталый, истомленный,
В книгохранилище случайное зайду,
Перед чужой душой встаю, как дух бессонный,
И укоризненно беседы с ней веду.

Зачем так бледны вы, несмелые стремленья?
Зачем так гордости в вас мало, сны людей?
Я иногда хочу, вам всем, уничтоженья,
Во имя свежести нетронутых полей.

Не потому ль, храня незримую обиду,
Природа вольная замыслила потоп,
Прияла гневный лик, и стерла Атлантиду,
Чтоб все повторности нашли свой верный гроб?

Нам быстрый час грозит. Есть мера повторенья.
Природа стережет, и утра ждет от нас.
Сожжемте ж прошлое, сплетем в венок мгновенья,
Начнем свою Весну, скорей, теперь, сейчас!

ЗАМОК

Глубокие рвы. Подъемные мосты.
Высокие стены с тяжелыми воротами.
Мрачные покои, где сыро и темно.
Высокие залы, где гулки так шаги.
Стены с портретами предков неприветных.

Пальцы, чтоб ткань все ту же вышивать.
Узкие окна. Внизу – подземелья.
Зубчатые башни, их серый цвет.
Серый их цвет, тяжелые громады.
Что тут делать? Сегодня – как вчера.
Что тут делать? Завтра – как сегодня.
Что тут делать? Завтра – как вчера.
Только и слышишь, как воет ветер.
Только и помнишь, как ноет сердце.
Только взойдешь на вершину башни.
Смотришь на дальнюю даль горизонта.
Там, далеко, страны другие.
Здесь все те же леса и равнины.
Там, далеко, новое что-то.
Здесь все те же долины и горы.
Замок, замок, открой мне ворота –
Сердце больше не может так жить.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ШАР

Не говори мне – Шар Земной, скажи точнее – Шар Железный,
И я навеки излечусь от боли сердца бесполезной,
Да, Шар Железный, с круговым колодцем скрытого огня,
И легким слоем верховым земли с полями ячменя.

С полями ржи, с лугами трав, с зелеными коврами леса,
С громадой гор, где между скал недвижных туч висит завеса,
И с этой плесенью людской, где ярче всех – кто всех старей,
Кто мозг свой жадный расцветил насчет умов других людей.

Я только должен твердо знать, что жесток этот Шар Железный.
И пусть, и пусть. Зачем же грусть? Мы с ним летим воздушной бездной.
Зачем же мягким буду я в железный, в жесткий этот век?
Я меч беру – и я плыву – до устья пышных – пышных рек.

ПРИМЕТА

Только ты в мой ум проник,
В замок, спрятанный за рвами.
Ты увидел тайный лик,
С зачарованными снами.

Что нам этот бледный мир?
Есть с тобой у нас примета:
В каждом схимнике – вампир,
В каждом дьяволе – комета.

Только ты поймешь меня.
Только ты. На что мне люди!
Мы – от Духа и Огня,
Мы с тобою – чудо в Чуде.

ЗМЕЯ

Постой. Мне кажется, что я о чем-то позабыл.
Чей странный вскрик: «Змея! Змея!» – чей это возглас был?
О том я в сказке ли читал? Иль сам сказал кому?
Или услышал от кого? Не знаю, не пойму.

Но в этот самый беглый миг я вспомнил вдруг опять,
Как сладко телом к телу льнуть, как радостно обнять,
И как в глаза идет огонь зеленых женских глаз,
И как возможно в Вечный Круг сковать единый час.

О, в этот миг, когда ты мне шепнула: «Милый мой!» –
Я вдруг почувствовал, что вновь я схвачен властной Тьмой,
Что звезды к звездам в Небесах стремительно текут,
Но все созвездья сплетены в один гигантский жгут.

И в этот жгут спешат, бегут несчетности людей,
Снаружи он блестящ и тверд, но в полости своей,
Во впалой сфере жадных звезд сокрыта топь болот,
И кто войдет, о, кто войдет, – навек с ним кончен счет.

Безумный сон. Правдив ли он иль ложен, – как мне знать?
Но только вдруг я ощутил, что страшно мне обнять,
И я люблю – и я хочу – и я шепчу: «Моя!»
Но молча в памяти моей звенит: «Змея! Змея!»

ГРАНИЦЫ

Я задышался много раз,
В глубокой тьме, и в поздний час,
И задыхались близ меня
Другие люди, без огня.

О, да, без лампы, без свечей.
И в доме, бывшем как ничей,
Где только стены говорят,
И даже взгляд не видит взгляд.

Но стены! Стены суть черты,

Границы смежной темноты,
Где тоже кто-то, в поздний час,
Дышал, задохся, и погас.

И два, один с другим, молчат.
И в душах сатанинский чад,
И двум их близость говорит.
Что атом с атомом не слит.

ЛЕМУРЫ

Правдивая сказочка

Троеглазые Лемуры,
Телом тяжки и понуры,
Между сосен вековых,
Там, где папоротник-чудо
Разрастается, как груды,
Собрались – и сколько их!

И какой их вид ужасный,
Каждый там – как сон неясный,
Как расплывчатый кошмар,
Исполинские младенцы,
Гнутся пальцы их в коленцы,
Каждый там ни юн, ни стар,

Гнутся руки, гнутся ноги,
Как огромные миноги,
Ноги с пяткой откидной,
Чтоб ходить вперед и задом,
Измеря задним взглядом
Все, что встанет за спиной.

Да, опасна их дорога,
Плащ их – кожа носорога,
Шкура складками висит,
Над безмозглою головою
Кисти с краской голубою,
С алой краской, – что за вид!

В каждой особи двуполой
Дьявол светится – веселый,
Но веселием таким, –
Тут разумный только взглянет,
Каждый волос дыбом встанет,
Сердце станет ледяным.

Речь их – мямленье сплошное,

«А» и «о» и «у» двойное,
Бормотание и вой,
Желатинность слитных гласных,
Липкость губ отвратно-страстных,
И трясенье головой.

И однако ж, вот что, детки:
То не сказка, это предки,
Это мы в лесах страстей, –
Чтобы в этом убедиться,
Стоит только погрузиться
В лабиринт души своей.

ПРОКЛЯТИЕ ЧЕЛОВЕКАМ

Мы, человеки дней последних, как бледны в жизни мы своей!
Как будто в Мире нет рубинов, и нет цветов, и нет лучей.

Мы знаем золото лишь в деньгах, с остывшим бледным серебром,
Не понимаем мысли молний, не знаем, что поет нам гром.

Для нас блистательное Солнце не бог, несущий жизнь и меч,
А просто желтый шар центральный, планет сферическая печь.

Мы говорим, что мы научны, в наш бесподобный умный век,
Я говорю – мы просто скучны, мы прочь ушли от светлых рек.

Мы разорвали, расщепили живую слитность всех стихий,
И мы, живя одним убийством, бормочем лживо: «Не убий».

Я ненавижу человеков, в цилиндрах, в мерзких сюртуках,
Исчадья вечно-душных комнат, что могут видеть лишь в очках.

И видят – только пред собою, так прямо, ну, сажени две,
И топчут хилыми ногами, как звери, все цветы в траве.

Сказав – как звери, я унизил – зверей, конечно, не людей,
Лишь меж зверей еще возможна – жизнь, яркость жизни, без теней.

О, человеки дней последних, вы надоели мне вконец.
Что между вас найти могу я, искатель кладов и сердец!

Вы даже прошлые эпохи наклейкой жалких слов своих
Лишили грозного величья, всех сил живых, размаха их.

Когда какой-нибудь ученый, сказать точнее – маниак,
Беседовать о прошлом хочет, начнет он бормотанье так: –

То были дни Ихтиозавров, Плезиозавров... О, глупец!

Какие клички ты придумал! Дай не ярлык мне, – образец!

Дай мне почувствовать, что были пиры и хохот Вещества,
Когда не знали страсти – тюрем, и кровь живых – была жива.

Ихтиозавры, Динозавры, и Птеродактили – суть бред,
Не бред Стихий, а лепет мозга, который замкнут в кабинет.

Но, если я скажу, что ящер влачился по земле как дом?
Был глыбистой летучей мышью, летел в надземности китом?

И мы при имени Дракона литературность ощутим: –
Кто он? То Дьявол – иль Созвездье – Китайский символ – смутный дым?

Но, если я скажу, что где-то многосаженный горный склон
Восколебался, качался, и двинулся – и был Дракон?

Лабораторная зачухлость! Ты смысл различья ощутил?
Иль нужно изъяснить понятней, что ты хромец, лишенный сил?

О, дни, когда был так несроден Литературе человек,
Что, если закрепить хотел он, что слышал от морей и рек,

Слагал он сложные понятия – в гизроглифы, не в слова,
И панорама Неба, Мира в тех записях была жива.

То живопись была, слиянье зверей, людей, и птиц, в одно,
Зачем, Изида, возле Сфинкса, под Солнцем быть мне не дано!

ЧЕЛОВЕЧКИ

Человечек современный, низкорослый, слабосильный,
Мелкий собственник, законник, лицемерный семьянин.
Весь трусливый, весь двуличный, косодушный, щепетильный,
Вся душа его, душонка – точно из морщин.

Вечно должен и не должен, то нельзя, а это можно,
Брак законный, спрос и купля, облик сонный, гроб сердец,
Можешь карты, можешь мысли передернуть – осторожно,
Явно грабить неразумно, но – стриги овец.

Монотонный, односложный, как напевы людоеда: –
Тот упорно две-три ноты тянет – тянет без конца,
Зверь несчастный существует от обеда до обеда,
Чтоб поест, жену убьет он, умергвит отца.

Этот ту же песню тянет, только он ведь просвещенный,
Он оформит, он запишет, дверь запрет он на крючок.
Бледноумный, сыщик вольных, немочь сердца, евнух сонный, –

О, когда б ты, миллионный, вдруг исчезнуть мог!

БЕДЛАМ НАШИХ ДНЕЙ

Delirant, vociferantur, rident,
plorant, ejulant, praelongam
aggerunt linguam, obscena loquuntur...

*Врач, об одержимых
Лудунскими дьяволами*

Безумствуют, кричат, смеются,
Хохочут, бешено рыдают,
Предлинным языком болтают,
Слов не жалеют, речи льются,
Многоглагольно, и нестройно,
Бесстыдно, пошло, непристойно.

Внимают тем, кто всех глупее,
Кто долог в болтовне тягучей,
Кто человеком быть не смея,
Но тварью быть с зверьми умея,
Раскрасит краскою линючей
Какой-нибудь узор дешевый,
Приткнет его на столб дубовый,
И речью нудною, скрипучей,
Под этот стяг, собирает стадо,
Где каждый с каждым может спорить,
Кто всех животней мутью взгляда,
Кто лучше сможет свет позорить.

О, сердце, есть костры и светлы,
Есть в блеск одетые планеты,
Но есть и угли, мраки, дымы
На фоне вечного Горенья.
Поняв, щади свои мгновенья.
Ты видишь: эти – одержимы,
Беги от них, им нет спасенья,
Им радостно, что Бес к ним жметя,
Который Глупостью зовется,
Он вечно ищет продолженья,
Чтоб корм найти, в хлевах он бродит,
И безошибочно находит
Умалишенные виденья.

О, сердце, Глупый Бес – как Лама,
Что правит душами в Тибете:
Один умрет – другой, для срама,
Всегда в запасе есть на свете.
Беги из душного Бедлама.

И знай, что, если есть спасенье
Для прокаженных, – есть прозренье, –
И что слепцы Судьбой хранимы, –
Глупцы навек неизлечимы.

ВОЙНА

1

История людей –
История войны,
Разнузданность страстей
В театре Сатаны.

Страна теснит страну,
И взгляд встречает взгляд.
За краткую весну
Несчетный ряд расплат.

У бешенства мечты
И бешеный язык,
Личина доброты
Спадает в быстрый миг.

Что правдою зовут,
Мучительная ложь.
Смеются ль, – тут как тут.
За пазухою нож.

И снова льется кровь
Из темной глубины.
И вот мы вновь, мы вновь –
Актеры Сатаны.

2

Боже мой, о, Боже мой, за что мои страданья?
Нежен я, и кроток я, а страшный мир жесток.
Явственно я чувствую весь ужас трепетанья
Тысяч рук оторванных, разбитых рук и ног.

Рвущиеся в воздухе безумные гранаты,
Бывший человеческий и ставший зверским взгляд,
Звуков сумасшествия тяжелые раскаты,
Гимн свинца и пороха, напевы пуль звенят.

Сонмы пчел убийственных, что жалят в самом деле.
И готовят Дьяволу не желтый, красный мед,

Соты динамитные, летучие шрапнели,
Помыслы лиддитные, свирепый пулемет.

А далеко, в городе, где вор готовит сметы,
Люди крепковейные смеются, пьют, едят.
Слышится: «Что нового?» Слегка шуршат газеты.
«Вы сегодня в Опере?» – «В партере, пятый ряд».

Широко замыслены безмерные мученья,
Водопад обрушился, и Хаос властелин,
Все мое потоплено, кипит, гудит течение, –
Я, цветы собирающий, что ж сделаю один!

3

«Кто визжит, скулит, и плачет?»
Просвистел тесак.
«Ты как мяч, и ум твой скачет,
Ты щенок, дурак!»

«Кто мешает битве честной?»
Крикнуло ружье.
«Мертвый книжник, трус известный,
Баба, – прочь ее!»

«Кто поет про руки, ноги?»
Грянул барабан.
«Раб проклятый, прочь с дороги,
Ты, должно быть, пьян!»

Гневной дробью разразился
Грозный барабан.
«Если штык о штык забился,
Штык затем и дан!»

Пушки глухо зарычали,
Вспыхнул красный свет,
Жерла жерлам отвечали,
Ясен был ответ.

Точно чей-то зов с амвона
Прозвучал в мечте,
И несчетные знамена
Бились в высоте.

Сильный, бодрый, гордый, смелый,
Был и я солдат,
Шел в безвестные пределы,
Напрягая взгляд.

Шло нас много, пели звоны.

С Неба лили свет
Миллионы, миллионы
Царственных планет.

ВОЙНА, НЕ ВРАЖДА

1

Мне странно подумать, что трезвые люди
Способны затеять войну.
Я весь – в созерцательном радостном чуде,
У ласковой мысли в плену.

Мне странно подумать, что люди враждуют,
Я каждому рад уступить.
Мечты мне смеются, любовно колдуют,
И ткут золотистую нить.

Настолько исполнен я их ароматом,
Настолько чужда мне вражда,
Что, если б в сражении был я солдатом,
Спокойно б стрелял я тогда.

Стрелял бы я метко, из честности бранной,
Но верил бы в жизнь глубоко.
Без гнева, без страха, без злобы обманной,
Убил бы и умер легко.

И знал бы, убивши, легко умирая,
Что все же мы братья сейчас,
Что это ошибка, ошибка чужая
На миг затуманила нас.

2

Да, я, наверно, жил не годы, а столетья,
Затем что в смене лет встречая – и врагов,
На них, как на друзей, не в силах не глядеть я,
На вражеских руках я не хочу оков.

Нет, нет, мне кажется порою, что с друзьями
Мне легче жестким быть, безжалостным подчас: –
Я знаю, что для нас за тягостными днями
Настанет добрый день, с улыбкой нежных глаз.

За миг небрежности мой друг врагом не станет,
Сам зная слабости, меня простит легко.
А темного врага вражда, как тьма, обманет,

И упадет он вниз, в овраги, глубоко.

Он не узнает сам, как слаб он в гневе сильном.
О, величаются упавшие, всегда: –
Бродячие огни над сумраком могильным
Считает звездами проклятая Вражда.

Я знаю, Ненависть имеет взор блестящий,
И искры сыплются в свидании клинков.
Но мысль в сто крат светлей в минутности летящей,
Я помню много битв, и множество веков.

Великий Архимед, с своими чертежами,
Прекрасней, чем солдат, зарезавший его.
Но жалче – тот солдат, с безумными глазами,
И с беспощадной тьмой влечения своего.

Мне жаль, что атом я, что я не мир – два мира! –
Безумцам отдал бы я все свои тела, –
Чтоб, утомясь игрой убийственного пира,
Слепая их душа свой тайный свет зажгла.

И, изумленные минутой заблужденья,
Они бы вдруг в себе открыли новый лик, –
И, души с душами, сплелись бы мы как звенья,
И стали б звездами, блистая каждый миг!

ТРОЙСТВЕННОСТЬ ДВУХ

1. ВОЗРОЖДЕНИЕ

*Strange case of Dr. Jekyll and
Mr. Hyde.
Stevenson*

Странная история Доктора Джекила
и мистера Хайда.
Стивенсон

Возвращение к жизни, и первый сознательный взгляд.
– «Мистер Хайд, или Джикил?» два голоса мне говорят.

Почему ж это «Или»? я их вопрошаю в ответ.
Разве места обоим в душе зачарованной нет?

Где есть день, там и ночь. Где есть мрак, там и свет есть всегда.
Если двое есть в Мире, есть в Мире любовь и вражда.

И любовь ли вражду победила, вражда ли царит,

Победителю скучно, и новое солнце горит.

Догорит, и погаснет, поборется с тьмою – и ночь.
Тут уж, что же мне делать, могу ли я Миру помочь.

Ничего, Доктор Джикил, ты мудрый, ты добрый, ты врач,
Потерпи, раз ты Доктор, что есть Мистер Хайд, и не плачь.

Да и ты, Мистер Хайд, если в прятки играешь, играй,
А уж раз проигрался, прощай – или вновь начинай.

И довольно мне слов. Уходите. Я с вами молчу.
– О, начало, о, жизнь, неизвестность, тебя я хочу!

2. МИРОВОЕ ПРИЧАСТИЕ

*L'idée pure, l'infini...
Flaubert*

«L'idée pure, l'infini, j'y aspire, il m'attire»...
О, искавший Флобер, ты предчувствовал нас.
Мы и ночи и дни устремляемся в Мир,
Мы в Бездонности ждем отвечающих глаз.

В наших жилах течет ненасытная кровь,
Мы безмерны в любви, безграничны вдвоем.
Но, любя как никто, не обманемся вновь,
И влюбленность души не телам отдаем.

В океанах мечты восколеблена гладь,
Мы воздушны в любви, как воздушен туман.
Но Елены опять мы не будем искать,
И войной не пойдем на безумных Троян.

Нет, иное светло ослепило наш взор,
Мы коснулись всего, растворились во Всем.
Глубину с высотой сочетали в узор,
С Мировым в мировом мы причастия ждем.

Больше медлить нельзя возле старых могил,
Что прошло, то прошло, что мертво, то мертво,
Мы в стозвучном живем, в Литургии Светил,
В откровенье Стихий, в воскресенье Всего.

3. «PAX HOMINIBUS BONAE VOLUNTATIS»*

Мир на Земле, мир людям доброй воли.
Мир людям воли злой желаю я.
Мир тем, кто ослеплен на бранном поле,
Мир тем, в чьих темных силах живет Змея.

О, слава Солнцу пламенному в вышних.
О, слава Небу, звездам, и Луне.
Но для меня нет в Мире больше лишних,
С высот зову – и тех, кто там, на дне.

Все – в Небесах, все – равны в разной доле,
Я счастлив так, что всех зову с собой.
Идите в Жизнь, мир людям доброй воли,
Идите в Жизнь, мир людям воли злой.

---

*«Мир людям доброй воли» (*лат.*).

ГОРОД ЗОЛОТЫХ ВОРОТ

Сон волшебный. Мне приснился древний Город Вод,
Что иначе звался – Город Золотых Ворот.

В незапамятное время, далеко от нас,
Люди Утра в нем явили свой пурпурный час.

Люди Утра, Дети Солнца, Духи Страсти, в нем
Обвенчали Деву – Воду с золотым Огнем.

Деву-Воду, что зачавши от лучей Огня,
Остается вечно-светлой, девственность храня.

Дети Страсти это знали, строя Город Вод,
Воздвигая стройный Город Золотых Ворот.

Яркость красок, мощность зданий, вал, над валом вал,
Блеск цветов, глядящих в Воду, в эту глубь зеркал.

Город-Сказка. С ним в сравненье людный Вавилон
Был не так похож на пышный предрассветный сон.

С ним в сравнении Афины, Бенарес и Рим
Взор души не поражают обликом своим.

Это – сказка лет позднейших, отрезвленных дней,
Лет, когда душа бледнеет, делаясь умней.

В них не чувствуешь нежданных очертаний сна,
Уж не сердце в них, а разум, лето, не весна.

В них не чувствуешь безумья утренней мечты,
Властелинской, исполинской, первой красоты.

В тех, в забытых созиданиях, царствовала Страсть,

Ей, желанной, предается, вольно, все во власть.

Оттого-то Дети Солнца, в торжестве своем,
Башней гордою венчали каждый храм и дом.

Оттого само их имя – золото и сталь,
Имя гордое Атланта – Тольтек, Рмоагаль.

В будни жизнь не превращая, мир любя, они
Яркой краской, жарким чувством наполняли дни.

До монет не унижая золото, они
Из него ковали входы в царственные дни.

Вход Огнем обозначался в древний Город Вод,
Что иначе звался – Город Золотых Ворот.

ГВОЗДИКИ

Когда расцветают гвоздики в лесах.
Последние летние дни истекают.
В гвоздиках июльские дни замыкают
Ту юную кровь, что алеет в лучах.
И больше не вспыхнут, до нового года,
Такие рубины, такая свобода.

НА ЧЕРНОМ ФОНЕ

На черном фоне белый свет
Меня мучительно пленяет.
И бьется ум. Дрожит. Не знает,
Не скрыт ли страшный здесь ответ.

Боясь принять ответ жестокий,
Вопрос я тайный хороню.
И вновь молюсь. Молюсь – Огню,
В тени Стремнины звездоокой!

ЗАРЕВО МГНОВЕНИЙ

В закатном зареве мгновений, твоих или моих,
Я вижу, как сгорает гений, как возникает стих,
В закатном зареве мгновений докучный шум затих.

Воспламененное Светило ушло за грань морей,
И в тучах краски доживают всей роскошью своей,
Чего в них больше – аметистов, рубинов, янтарей?

К чему свой взор случайно склонишь, то даст тебе ответ,
В одном увидишь пламя счастья, в другом услышишь «Нет».
Но все, на что свой взгляд уронишь, восхвалит поздний свет.

Прозрачность, нежность, и чрезмерность, все слито в забыты,
В последний раз мы их коснемся в предсмертном бытии,
И мы поймем, что эти краски – твои или мои.

И мы поймем, как полнозвучно поет волна морей,
Когда дневное отшумело, и Ночь, во сне, бодрей,
И все ночное, незаметно, идет скорей, скорей.

Вот, все воздушней аметисты, рубины, янтари.
Все, что во внешнем – еле слышно, все ярко – что внутри,
Мгновенье пышного Заката – последнее – гори!

ФАТА МОРГАНА

ФАТА МОРГАНА

Фата Моргана,
Замки, узоры, цветы, и цвета,
Сказка, где каждая краска, черта
С каждой секундой – не та,
Фата Моргана
Явственно светит лишь тем, кто, внимательный, рано,
Утром, едва только Солнце взойдет,
Глянет с высокого камня на Море,
К солнцу спиной над безгранностью вод.
С блеском во взоре,
К Солнцу спиной,
Правда ль тут будет, неправда ль обмана,
Только роскошной цветной пеленой
Быстро возникнет пред ним над волной
Фата Моргана.

1. КРАСНЫЙ

Кораллы, рубины, гранаты,

Вы странным внушеньем богаты: –
На вас поглядишь – и живешь,
Как будто кого обнимаешь, –
На вас поглядев, понимаешь,
Что красная краска не ложь.

О, кровь, много тайнств ты знаешь!

Когда по равнине пустынно-седой
Скользишь утомленно чуть зрячей мечтой,
Лишь встретишь ты красный какой лоскуток. –
Вмиг в сердце – рождение строк,
Как будто бы что-то толкнуло мечту,
И любишь опять горячо Красоту
И красочный ловишь намек.

О, кровь, я намеков твоих не сочту!

Когда, как безгласно-цветочные крики,
Увижу я вдруг на июльских лугах
Капли крови в гвоздике,
Внутри, в лепестках,
Капли алые крови живой,
Юной, страстной, желающей ласк, и деления чуждой на «мой» или «твой». –
Мне понятно, о чем так гвоздика мечтает,
Почему лепестки опьяненному Солнцу она подставляет: –
Вижу, вижу, вливается золото в алую кровь,
И теряется в ней, возрождается вновь,
Взор глядит – и не знает, где именно Солнце,
Где отливы и блеск золотого червонца,
Где гвоздики девически-нежной любовь.

О, кровь, как ты странно-пленительна, кровь!

Вот, словно во сне,
Почудились мне
Столепестковые розы,
В оттенках, в несчетности их лепестков
Вновь вижу, как девственны, женственны грезы,
Но знаю, что страстность доходит почти
Знаю я, как бесконечно-богаты уста,
Поцелуи, сближенье, альков,
Как первозданно-богаты два рта,
В красноречье без слов.
Я гляжу, и теряюсь, робею,
Я хочу, и не смею до угрозы,
Сорвать эту розу, сорвать, и познать упоенье, любовь.
О, кровь, сколько тайнств и счастья скрываешь ты, кровь!

2. РОЗОВЫЙ

Румянец яблока, на фоне Сентября,
С его травой-лиственной воздушно-золотою,
Румянец девушки, когда горит заря,
Румянец девушки, идущей за водою,
Меж тем как в серебре и в зеркале реки
Мелькают, зыбкие, и пляшут огоньки.

Румянец сладостно-стыдливого незнанья,
Когда услышит вдруг она
Ее смутившее признание,
И он, сдержав свое дыханье,
Безмолвно чувствует, что радость – суждена.

И наконец еще, румянец тот, предельный,
Когда они вдвоем сливаются в одно,
И чашей полной, чашей цельной
Пьют сладко-пьяное вино,
И в этой неге беспредельной,
В предвестье сказки колыбельной,
Разбиться чаше суждено.

3. ПРЕДРАССВЕТНО-ЛЕПЕСТКОВЫЙ

Неназываемый цветок,
Который нежен и прелестен,
И каждой девушке известен,
Как всем певцам рожденье строк.
Неназываемый цветок,
Что только раз один алеет,
И повторяться не умеет,
Но все вложил в один намек.
Неназываемый цветок.

4. ГОРИЦВЕТНЫЙ

Лепестки горицвета, оранжево-огненно-красные,
При основании – с черным пятном.
Не сокрыты ли здесь указания, хотя и неясные, –
Как и в сосуде с пурпурным вином?
Веселимся, пьянимся мы, любимся, жаркие, страстные, –
Темный отстой неразлучен со дном.

5. ЖЕЛТЫЙ

Спрошу ли ум, в чем желтый цвет,
Душа сейчас поет ответ,
Я вижу круг, сиянье, сферу,
Не золото, не блеск его,
Не эту тяжкую химеру,
Что ныне стала – вещество
Для униженья моего,
О, нет, иное торжество: –
Подсолнечник, цветок из Перу,
Где знали, как лазурь очей
Нежна от солнечных лучей.

6. КРАСНЫЙ И ЖЕЛТЫЙ

Камень и камень, бездушная груда,
Камни и камни, их глыба темна.
Все же, в них скрытое, явится чудо,
Только им быстрая встреча нужна.

Камень о камень ударит случайно,
Желтые, красные искры летят,
В темной бесцветности – яркая тайна,
Искры чаруют нежданностью взгляд.

В камне скрываются искры живые. –
Сколько же в нас неоткрытых цветов!
Дайте увидеть цветы золотые,
Быстрая встреча нужна для умов!

7. КРАСНЫЙ И ГОЛУБОЙ

Красный цвет – горячий цвет,
Голубой – холодный.
Оба шлют глазам привет,
Но мечтой несродной.

Говорит один – люблю,
Все сожгу любовью,
Камни в лаву растеплю,
Небо вспыхнет кровью.

А другой не говорит,
Не грозит, не манит,

В нем спокойный вечный вид,
Вечность не обманет.

Красный все зовет на бой,
Жаждет вновь завязки.
Ум ласкает – голубой,
Оправдай детской ласки.

Тяготясь самим собой,
Красный, вихрей полный,
Гонит птиц, зверей гурьбой,
Поднимает волны.

Но, закончен сам в себе,
Ум – покой вмещает.
О покорности Судьбе
Голубой вещает.

8. КРАСНЫЙ, ЖЕЛТЫЙ, ГОЛУБОЙ

Красный, желтый, голубой,
Троичность цветов,
Краски выдумки живой,
Явность трех основ.

Кислород, и углерод
Странные слова,
Но и их поэт возьмет,
В них душа жива.

Кислород, и углерод,
Водород – слова,
Но и в них есть желтый мед,
Вешняя трава.

Да, в напев поэт возьмет
Голубые сны,
Золотистый летний мед,
Алый блеск весны.

Красный, желтый, голубой –
Троичность основ.
Оставаясь сам собой,
Мир наш – ими нов.

9. ГОЛУБОЙ, ЗЕЛЕНый, ЖЕЛТЫЙ, КРАСНЫЙ

Голубой, зеленый, желтый, ярко-красный,
Степени различной светлой теплоты.
Незабудка, стебель, лютик, арум страстный,
Это – возрастанье красочной мечты.

Голубые очи детства золотого,
Изумруды мая, лето, страсть, зима,
Душные теплицы, ночь – и снова, снова
Лампа, звезды, взоры, сказка, ласка, тьма.

10. ЗОЛОТИСТЫЙ

Лютик золотистый,
Греза влажных мест,
Луч, и шелк цветистый,
Светлый сон невест.

Пляска брызг огнистых
В пламени костров,
Между красно-глистых
Быстрых огоньков.

Колос, отягченный
Числами зерна,
Вечер позлащенный,
Полная Луна.

11. ПРОЩАЛЬНО-ЗОЛОТИСТЫЙ

Тихий шелест Сентября,
И умильный свист синицы,
Улетающие птицы,
Пышный праздник янтаря.

Праздник Солнца золотого,
Углубленный небосклон,
На лазури – желтый клен,
Остров моря голубого.

Все оттенки желтизны,
Роскошь ярких угасаний,
Трепет красочных прощаний,
Траур Лета и Весны.

12. ЗЕЛЕНЬИЙ

На странных планетах, чье имя средь нас неизвестно,
Глядят с восхищеньем, в небесный простор, существа,
Их манит звезда, чье явление для них – бестелесно,
Звезда, на которой сквозь Небо мерцает трава.

На алых планетах, на белых, и ласково-синих,
Где светят кораллом, горят бирюзою поля,
Влюбленные смотрят на остров в небесных пустынях.
В их снах изумрудно, те сны навевает – Земля.

13. ЗЕЛЕНЬИЙ И ЧЕРНЬИЙ

Подвижная сфера зрачков, в изумруде текучем сужаясь,
Расширяясь, сливается, безмолвно, привлеченную душу с душой.
В глубоких зрачках, искушенья, во влаге зеленой качаясь,
Как будто бы манят, внушают: «Приблизься, ты мне не чужой».

О, травянистый изумруд,
Глаза испанки светлокудрой!
Какой художник нежно-мудрый,
Утонченник, сказался тут?
Где все так жарко, чернооко,
Где всюду черный цвет волос, –
В сиянье белокурых грез,
Испанка-нимфа, одиноко,
Порой возникнет – и на вас
Струит огонь зеленых глаз.

Всего красивей черный цвет
В зрачках зеленых глаз.
Где водный свет? Его уж нет.
Лишь черный есть алмаз!
Зелено-бледная вода,
Русалочий затон, –
О, не одна здесь спит беда,
И чуток этот сон.
И каждый миг, и каждый час
Воздушный изумруд,
Воздушный цвет зеленых глаз
Поет мечте: «Я тут!»

Зрачок растет, и жадный свет
Зовет, берет, светясь.
Где целый мир? Его уж нет.
Лишь черный есть алмаз!

14. СИНИЙ

Пустынями эфирными, эфирными-сапфирными,
Скитаются бесчисленность различно-светлых звезд.
Над этими пространствами, то бурными, то мирными,
Душою ощущается в Эдем ведущий мост.

Зовется ли он Радугой, навек тысячецветною,
Зовется ли иначе как, значения в том нет.
Но синий цвет – небесный цвет, и грезой ответною
Прозящему сознанию дает он ряд примет.

Примет лазурно-радостных нам в буднях много светится,
И пусть, как Море синее, дороги далеки
«Дойдешь», тебе вещает лен, там в Небе все отметится,
«Дойдешь», твердят глаза детей, и шепчут васильки.

15. НЕЖНО-ЛИЛОВЫЙ

Колокольчик на опушке леса,
С звонами, что внятны слуху фей,
Бархатисто-пышная завеса,
Возле лиловатых орхидей.

В лепете романса – цвет сирени,
Сад мечты, и в нем упавший лист,
В красочном контрасте – свет и тени,
На руке лилейной – аметист.

16. ФИОЛЕТОВЫЙ

Мне снилось множество цветов,
Багряных, алых, золотистых,
Сапфирно-синих лепестков,
И снов, застывших в аметистах.

Но между всех цветочных сил
Я видел, в призрачной картине,
Что красный цвет внизу застыл,
А цвет зеленый – посередине.

Но выше – выше, в синеву,

Восходит множество фиалок,
И в сновиденье наяву
Я вижу белый храм Весталок.

Их не встревожит зов ничей,
Им Ночь – моления внушает,
И взор фиалковых очей
В себе бездонность отражает.

И быстро, быстро, быстро – я
Несусь мечтою к ним, предельным
В лесной пустыне Бытия
Забвенью пью фиалом цельным.

17. ХРУСТАЛЬНО-СЕРЕБРИСТЫЙ

Звуки лютни в свете лунном,
Словно сказка, неживые,
В сновиденье многострунном
Слезы флейты звуковые.

Лики сонных белых лилий
В озерной зеркальной влаге,
Призрак ангелов, их крылий,
Сон царевны в лунной саге.

18. ОПАЛОВО-ЗИМНИЙ

Легкий слой чуть выпавшего снега,
Серп Луны в лазури бледно-синей,
Сеть ветвей, узорная их нега,
Кружевом на всем – воздушный иней.

Духов серебристых замок стройный,
Сонмы фей в сплетеньях менуэта,
Танец блеснок, матово-спокойный,
Бал снежинок, вымышленность света.

19. ГОЛУБОВАТО-БЕЛЫЙ И КРАСНОВАТО-СЕРЫЙ

Голубовато-белый и красновато-серый,
В дворце людского мозга два цвета-вещества.
Без них мы не имели б ни знания, ни веры,

Лишь с ними область чувства и наша мысль жива.

Чрез них нам ярко светят душевные эфиры,
Напевность ощущений слагается в узор.
В дворце людского мозга играют скрипки, лиры,
И чудо-панорама струит просвет во взор.

Во внутренних чертогах сокровища без меры.
Цветут, пьянят, чаруют – не день, не час, века –
Голубовато-белый и красновато-серый,
В дворце людского мозга два странные цветка.

20. БЕЛЫЙ

Нарцисс, восторг самовлюбленности,
До боли сладостные сны,
Любовь – до смерти, до бездонности,
Всевластность чистой Белизны.

Нарцисс, забвенье жизни, жалости,
Желанье, страстность – до того,
Что в белом – в белом! – вспышка алости,
Забвенье лика своего.

Нарцисс, туман самовнушения,
Любовь к любви, вопрос-ответ,
Загадка Жизни, отражение,
Венчальный саван, белый цвет.

21. ЧЕРНЫЙ

Как ни странно это слышать, все же истина верна: –
Свет противник, мрак помощник проращению зерна.

Под землю призрак жизни должен выждать нужный срок,
Чтобы колос золотистый из него родиться мог.

В черной тьме – биенье жизни, зелень бледная, росток,
Лишь за этим – стебель, колос, пышность зерен, желтый сок.

Мировой цветок, который назван Солнцем меж людей,
Утомясь, уходит в горы, или в глубь ночных морей.

Но, побывши в сонном мраке, в час рассвета, после грез,
Он горит пышней, чем маки, ярче самых пышных роз.

Черный уголь – символ жизни, а не смерти для меня: –
Был Огонь здесь, говорю я, будет вновь напев Огня.

И не черный ли нам уголь, чтоб украсить светлый час,
Из себя произрождает ярко-праздничный алмаз.

Все цвета в одном согласны: входят все они – в цветы.
Черной тьме – привет мой светлый, в Литургии Красоты!

ОГОНЬ

Не устану тебя восхвалять,
О, внезапный, о, страшный, о, вкрадчивый,
На тебе расплавляют металлы,
Близ тебя создают и куют.
Будем, как Солнце

ОГОНЬ

1

Огнепоклонником я прежде был когда-то,
Огнепоклонником останусь я всегда.
Мое индийское мышление богато
Разнообразием рассвета и заката,
Я между смертными – падучая звезда.

Средь человеческих бесцветных привидений,
Меж этих будничных безжизненных теней,
Я вспышка яркая, блаженство исступлений,
Игрою красочной светло венчанный гений,
Я праздник радости, расцвета, и огней.

Как обольстительна в провалах тьмы комета!
Она пугает мысль и радует мечту.
На всем моем пути есть светлая примета,
Мой взор – блестящий круг, за мною – вихри света,
Из тьмы и пламени узоры я плету.

При разрешенности стихийного мечтанья,
В начальном Хаосе, еще не знавшем дня,
Не гномом роющим я был среди Мирозданья,
И не ундиною морского трепетанья,
А саламандрою творящего Огня.

Под Гималаями, чьи выси – в блесках Рая,

Я понял яркость дум, среди долинной мглы,
Горела в темноте моя душа живая,
И людям я светил, костры им зажигая,
И Агни светлому слагал свои хвалы.

С тех пор, как миг один, прошли тысячелетья,
Смешались языки, содвинулись моря.
Но все еще на Свет не в силах не глядеть я,
И знаю явственно, пройдут еще столетья,
Я буду все светить, сжигая и горя.

О, да, мне нравится, что бело так и ало
Горенье вечное земных и горних стран.
Молиться Пламени сознание не устало,
И для блестящего мне служат ритуала
Уста горячие, и Солнце, и вулкан.

Как убедительна лучей растущих чара,
Когда нам Солнце вновь бросает жаркий взгляд.
Неисчерпаемость блистательного дара!
И в красном зареве победного пожара
Как убедителен, в оправе тьмы, закат!

И в страшных кратерах – молитвенные взрывы:
Качаясь в пропастях, рождаются на дне
Колосья пламени, чудовищно-красивы,
И вдруг взмываются пылающие нивы,
Устав скрывать свой блеск в могучей глубине.

Бегут колосья ввысь из творческого горна,
И шелестенья их слагаются в напев,
И стебли жгучие сплетаются узорно,
И с свистом надают пурпуровые зерна,
Для сна отдельности в той слитности созрев.

Не то же ль творчество, не то же ли горенье,
Не те же ль ужасы, и та же красота
Кидают любящих в безумные сплетенья,
И заставляют их кричать от наслажденья,
И замыкают им безмолвием уста.

В порыве бешенства в себя принявши Вечность,
В блаженстве сладостном истомной слепоты,
Они вдруг чувствуют, как дышит Бесконечность,
И в их сокрытиях, сквозь ласковую млечность,
Молниеносные рождаются цветы.

Огнепоклонником Судьба мне быть велела,
Мечте молитвенной ни в чем преграды нет.
Единым пламенем горят душа и тело,
Глядим в бездонность мы в узорностях предела,
На вечный праздник снов зовет безбрежный Свет.

Огонь в своем рожденье мал,
 Бесформен, скуден, хром,
 Но ты взгляни, когда он, ал,
 Красивым исполином встал,
 Когда он стал Огнем!
 Огонь обманчив, словно дух: –
 Тот может встать как тень,
 Но вдруг заполнит зор и слух,
 И ночь изменит в день.
 Вот, был в углу он, на полу,
 Кривился, дымно-сер,
 Но вдруг блестящей сделал мглу,
 Удвоил свой размер.
 Размер меняя, опьянил
 Все числа, в сон их слив,
 И в блеске смеха, полон сил,
 Внезапно стал красив.
 Ты слышишь? слышишь? Он поет,
 Он славит Красоту,
 Вот – вот, до Неба достает,
 И вьется налету!

Я закрываю глаза, и в мечтании
 Вижу повсюду сияющий Свет,
 Вижу Огонь я во всем Мироздании,
 В травках, в росинках, в спиралях планет.

Вижу я Землю – сестрой меж планетами,
 Землю опять ощущаю Землей,
 Горы, долины, сады с их расцветами,
 Ценные камни с подземною мглой.

Медное небо, отяжелелое,
 Грозно нависло над знойной пустыней,
 В нем Электричество белое,
 С роскошью желтых изломанных линий,
 Желтых, и красных, лазурно-зеленых,
 В безднах эфирностей синих,
 Тучи как горы, там замки на склонах,
 Кони из пламени в вышних пустынях.

Снова я в Индии. Да, но не в той,
 Где побывал соглядатай ничтожный, –
 В Индии древней, в отчизне святой,
 Данной для всех, опьяненных мечтой,

В цельной, навек непреложной.
И меж светлоликих, меж дважды-рожденных,
Открывши на миг в Запредельное дверь,
При свете огней, благовонно-зажженных,
Я слушаю Бурю теперь.

4

Рудра, красный вепрь Небес,
Ниспосылатель алых жгутов,
Отец стремительных Марутов,
В вихре огненных завес,
Гений Бури,
Враг Лазури,
Пробежал и вдруг исчез.

Где он почву Неба роет?
Образ пламенных чудес,
Вон, он там рычит и воет,
Между облачных зыбей
Тучи молнией своей
Беспокоит.

Рудра шлет блестящесть вод,
Льет их током плодородным,
Но, порвавши небосвод,
Вдруг пожар в домах зажжет.
Быть он добрым устает,
Хочет быть свободным.

Рудра-Сива, Смерть-Любовь,
Губит Жизнь, и любит вновь.
Равнодушен к звукам стона,
Вепря красного клыки
Ранят тело, рвут в куски,
Но в траве у склона,
Где убит был Адонис,
Лепестки цветов зажглись,
Дышит анемона.

Рудра-Сива, Смерть-Любовь,
Смерть – Бессмертье, Пламя – Кровь,
Радуга над Морем,
Змеи молний, ток дождей,
Вечность зыбкая страстей,
Здесь мы Грому вторим!

5

Огонь приходит с высоты,
Из темных туч, достигших грани
Своей растущей темноты,
И порождающей черты
Молниеносных содроганий.
Огонь приходит с высоты.
И, если он в земле таится,
Он лавой вырваться стремится
Из подземельной темноты,
Когда ж с высот лучом струится,
Он в хоровод зовет цветы.

Вон лотос, любимец стихии тройной,
На свет и на воздух, над зыбкой волной,
Поднялся, покинувши ил,
Он Рай обещает нам с вечной Весной,
И с блеском победных Светил.

Вот пышная роза, Персидский цветок,
Душистая греза Ирана,
Пред розой исполнен влюбленных я строк,
Волнует уста лепестков ветерок,
И сердце от радости пьяно.

Вон чампак, цветущий в столетие раз,
Но грезу лелеющий – век,
Он тоже оттуда примета для нас,
Куда убегают, в волнение светясь,
Все воды нам ведомых рек.

Но что это? Дрогнув, меняются чары,
Как будто бы смех Соблазнителя-Мары,
Сорвавшись к долинам с вершин,
Мне шепчет, что жадны, как звери, растенья,
И сдавленность воплей я слышу сквозь пенье,
И если мечте драгоценны каменья,
Кровавы гвоздики и страшен рубин.

Мне страшен угар ароматов и блесков расцвета,
Все смешалось во мне,
Я горю как в Огне,
Душное Лето,
Цветочный кошмар овладел распаленной мечтой,
Синие пляшут огни, пляшет Огонь золотой,
Страшною стала мне даже трава,
Вижу, как в мареве, стебли немые,
Пляшут и мысли кругом и слова.
Мысли – мои? Или, может, чужие?

Закатное Небо. Костры отдаленные.
Гвоздики, и маки, в своих сновиденьях бессонные.
Волчцы под Луной, привиденья они,

Обманные бродят огни
Пустырями унылыми.
Георгины тупые, с цветами застылыми,
Точно их создала не Природа живая,
А измыслил в безжизненный миг человек.
Одуванчиков стая седая.
Миллионы раздавленных красных цветов,
Клокотанье кроваво-окрашенных рек.

Гнет Пустыни над выжженной ширью песков.
Кактусы, цепкие, хищные, сочные,
Странно-яркие, тяжкие, жаркие,
Не по-цветочному прочные.
Что-то паучье есть в кактусе злом,
Мысль он пугает, хоть манит он взгляд,
Этот ликующий цвет,
Смотришь – растенье, а может быть – нет,
Алою кровью напившийся гад?

И много, и много отвратностей разных,
Красивых цветов, и цветов безобразных.
Нахлынули, тянутся, в мыслях – прибой,
Рожденный самую Судьбой.

Болиголов, наркоз, с противным духом. –
Воронковидный венчик белены,
Затерто-желтый, с сетью синих жилок, –
С оттенком буро-красным заразиха,
С покатою шлемовидною губой, –
Подобный пауку, офрис, с губою
Широкой, желто-бурою, и красной, –
Колючее создание, татарник,
Как бы в броне крылоподобных листьев.
Зубчатых, паутинисто-шерстистых,
Дурман вонючий, – мертвенный морозник, –
Цветы отравы, хищности, и тьмы, –
Мыльнянка, с корневищем ядовитым,
Излюбившая края дорог, опушки
Лесные и речные берега,
Места, что в самой сущности предельны,
Цветок любимый бабочек ночных, –
Вороний глаз, с приманкою из ягод
Отливно-цветных, синевато-черных. –
Пятнадцатилучистый сложный зонтик
Из ядовитых беленьких цветков,
Зовущихся – так памятно – цикутой, –
И липкие исчадия Земли,
Ужасные растенья-полузвери, –
В ленивых водах, медленно-текущих,
В затонах, где стоячая вода,
Вся полная сосудцев, пузырчатка,
Капкан для водной мелочи животной,

Пред жертвой открывает тонкий клапан,
Замкнет его в тюремном пузырьке,
И уморит, и лакомится гнилью, –
Росянка ждет, как вор, своей добычи,
Орудием уродливых железок
И красных волосков, так липко-клейких,
Улавливает мух, их убивает,
Удавливает медленным сжиманьем –
О, краб-цветок! – и сок из них сосет,
Болотная причудливость, растенье,
Которое цветком не хочет быть,
И хоть имеет гроздь расцветов белых,
На гада, больше хочет походить.
Еще, еще, косматые, седые,
Мохнатые, жестокие виденья,
Измышленные дьявольской мечтой,
Чтоб сердце в достовернейшем, в последнем
Убежище, среди цветов и листьев,
Убить.

Кошмар! уходи, я рожден, чтоб ласкать и любить!
Для чар беспредельных раскрыта душа,
И все, что живет, расцветая, спеша,
Приветствую, каждому – хочется быть,
Кем хочешь, тем будешь, будь вольным, собой,
Ты черный? будь черным, мой цвет – голубой,
Мой цвет будет белым на вышних горах,
В вертепах я весел, я страшен впотьмах,
Все, все я приемлю, чтоб сделаться Всем,
Я слеп был – я вижу, я глух был и нем,
Но как говорю я – вы знаете, люди,
А что я услышал, застывши в безжалостном Чуде,
Скажу, но не все, не теперь,
Нет слов, нет размеров, ни знаков,
Чтоб таинство блесков и мраков
Явить в полноте, только миг – и закроется дверь,
Песчинок блестящих я несколько брошу,
Желанен мне лик Человека, и боги, растенье, и птица, и зверь,
Но светлую ношу,
Что в сердце храню,
Я должен пока сохранять, я поклялся, я клялся – Огню.

6

Буря промчалась.
Кончен кошмар.
Солнце есть вечный пожар.
В сердце горячая радость осталась.

Ждите. Я жду.
Если хотите,

Темными будьте, живите в бреду.
Только не лгите,
Сам я в вертепы вас всех поведу.

Если хотите,
Мысли сплетайте в лучистые нити,
Светлая ткань хороша, хороша,
Только не лгите,
К Солнцу идите, коль Солнца воистину хочет душа.

Все совершится,
Круг неизбежен,
Люди, я нежен,
Сладко забыться.
Пытки я ведал. О, ждите. Я жду.
Речь от Огня я и Духа веду!

7

Лучи и кровь, цветы и краски.
И искры в пляске вокруг костров –
Слова одной и той же сказки
Рассветов, полдней, вечеров.

Я с вами был, я с вами буду,
О, многоликости Огня,
Я ум зажег, отдался Чуду,
Возможно счастье для меня.

В темнице кузниц неустанных,
Где горн, и молот, жар, и чад,
Слова напевов звездотканых
Неумолкаемо звучат.

С Огнем неразлучимы дымы,
Но горицветный блеск углей
Поет, что светлы Серафимы
Над тесной здешностью моей.

Есть Духи Пламени в Незримом,
Как здесь цветы есть из Огня,
И пусть я сам развеюсь дымом,
Но пусть Огонь войдет в меня.

Гореть хотя одно мгновенье,
Светить хоть краткий час звездой –
В том радость верного забвенья,
В том праздник ярко-молодой.

И если в Небе Солнце властно,
И светлы звездные пути,

Все ж искра малая прекрасна,
И может алый цвет цвести.

Гори, вулкан, и лейся, лава,
Сияйте, звезды, в вышине,
Но пусть и здесь – да будет слава
Тому, кто сжег себя в Огне!

ВОДА

Влажная пропасть сольется
С бездной эфирных высот.
Таинство – Небом дается,
Слитность – зеркальностью вод.
Только Любовь

ВОДА

1

Вода, стихия сладострастия,
Вода, зеркальность наших дум,
Бездонность снов, безбрежность счастья,
Часов бегущих легкий шум.

То недвижимо-безглагольная,
То с неудержною волной,
Но вечно легкая и вольная,
И вечно дружная с Луной.

И с Солнцем творческим слиянная,
То – гул, то – плеск, то – блески струй.
Стихия страстная и странная,
Твой голос – влажный поцелуй.

2

От капли росы, что трепещет, играя,
Огнем драгоценных камней,
До бледных просторов, где, вдаль убегая,
Венчается пеною влага морская
На глади бездонных морей,
Ты всюду, всегда, неизменно живая,
И то изумрудная, то голубая,
То полная красных и желтых лучей,

Оранжевых, белых, зеленых и синих,
И тех, что рождается только в пустынях,
В волненье и пенье безмерных зыбей,
Оттенков, что видны лишь избранным взорам,
Дрожаний, сверканий, мельканий, которым
Нельзя подыскать отражающих слов,
Хоть в слове бездонность оттенков блистает,
Хоть в слове красивом всегда расцветает
Весна многоцветных цветов.

Вода бесконечные лики вмещает
В безмерность своей глубины,
Мечтанье на зыбях различных качает,
Молчаньем и пеньем душе отвечает,
Уводит сознание в сны.
Богатыми были, богаты и ныне
Просторы лазурно-зеленой пустыни,
Рождающей мир островной.
И Море – все Море, но в вольном просторе
Различно оно в человеческом взоре
Качается грезой-волной.

В различных скитаньях,
В иных сочетаньях
Я слышал сказания бурь,
И знаю, есть разность в мечтаньях.

Я видел Индийское море, лазурь,
В нем волн голубые извивы,
И Красное море, где ласков коралл,
Где розовой краскою зыбится вал.
И Желтое, водные нивы,
Зеленое море, Персидский залив,
И Черное море, где буен прилив,
И Белое, призрак красивый.
И всюду я думал, что всюду, всегда
Различно-прекрасна Вода.

Безмолвно она под землю таится,
Ей Солнце и Небо, там в сумраке, снится,
И нежная к Солнцу сумеет прорыться,
Пещеры сплотит в города.
Застынет, и дремлет, над горной вершиной,
И дрогнет, услышавши возглас звериный,
От крика проснется, сорвется лавиной,
И вихрем несется Беда.
Беззвучна в колодцах, в прозрачных озерах,
Безгласна во влажных ласкающих взорах,
Но в снежных узорах таится в ней шорох

И звонкое вскрытие льда.

Превратившись в снега, заключившись в усладу молчанья,
Расстилаясь застывшей студеной немой пеленой,
От зеленой Луны принимая в снежинки мерцанья,
В первозданность Вода возвращается теплой весной.

И играет волной,
И бежит, и поет,
И горит белизной
Уплывающий лед.
Нарастанием вод
Затопляет луга,
Все победно возьмет,
Все зальет берега.

Как раздольна игра
Водопольной волны.
Но шепнули «Пора!»
Уходящие сны.
И речной глубины
Установлен размер.
Все цветы зажжены.
Пышен праздник Весны,
В нем лучи сплетены
Отдаленнейших сфер.

Все приняло свой вечный вид,
Лик озера зеркально спит.
Безгласно дремлет глад затона.
О бесконечности услад
Поет бессмертный водопад,
Ключи бегут по скатам склона.

И рек причудливый узор
Лелейной сказкой нежит взор,
Их вид спокоен и беззвучен.
И тот узор светло сплетен
В серебряный, в хрустальный сон,
Среди уклончивых излучин.

И без конца поют ручьи,
И нежат душу в забыты
Воздушно-сладкою тоскою.
Как разность ярко здесь видна,
Как ясно, что Вода – одна:
Ручей различно-схож с рекою.
И нам преданья говорят:
Ручей с рекой – сестра и брат.

Ручей ласкает слух, влечет нас в отдаленье,
Ручей журчит, звучит, баюкает, поет.

Река лелеет глаз, дает успокоенье
Движеньем медленным безмолвствующих вод.

Ручей, как чаровник, дремотно шепчет, манит,
Ручей гадает нам, и вкрадчиво зовет.
Река наш зыбкий дух яснит, а не туманит
Успокоительным теченьем светлых вод.

Ручей нам говорит: «Люби! Люби! Люби же!»
Но в нем не отражен глубокий небосвод.
Кто в реку заглянул, тот Небо видит ближе,
Лазури хочется безмолвствующих вод.

4

Но переменная Вода
Быть хочет разною всегда,
Восторг рождает полногласный,
К преобразованиям бежит,
Меняет вид, и жить спешит,
Не уставая быть прекрасной.

Вон бьется гейзер голубой,
Весь очарованный собой,
С водою бешено-кипящей.
Как ослепительно-светла
Она выходит из жерла,
Кругом бросая пар свистящий.

Столбами пляшет влажный прах,
Несчетность радуг в тех столбах,
Падение дождей алмазных.
Слиянье светов и теней,
Переплетение огней,
Всегда одних и вечно разных,

Там дальше море-Океан,
Неизмерим и неогляден,
На дне утесы, пасти впадин,
Подводных сил военный стан.

Проходят быстрые акулы,
Домам подобные киты.
В прорывах влажной темноты
Спиральные рождаются гулы.

В круговращении своем
Чудовищной змее подобной,
Гудит и плещет свечкой дробной
Воронка адская. Мальстрём.

Совсем другого Океана
Другие области встают,
Существ невидимых приют,
Затишье в круге урагана.

Кораллы меж морских валов,
Водой рожденные картины,
Червеобразные плотины
Кольцеобразных островов.

Людских строений первотипы,
Оазисы пустынь морских,
Не люди создавали их,
А кругодумные полипы.

Им света хочется – и вот
Растут узорные сплетенья,
Осуществляются хотенья,
Оазис круговой живет.

Из влаги восстают кораллы,
И волны бешено кругом
Несутся в строе боевом,
Как викинги в предел Валгаллы.

О, да, я знаю, что всегда
Полна безмерных чар Вода,
Но понял это я не сразу.
Все в мире нужно различать,
На всем лежит своя печать,
И аметист – не брат алмазу.

5

Я помню в далекие детские дни
Привиделся странный мне сон.
Мне снилось, что белые в Небе огни,
И ими наш сад озарен.

Сверкают далеко холодные льды,
Струится безжизненный свет,
Звезда отражает сиянье звезды,
Сплетаются гроздь планет.

Сплетаются тысячи крупных планет,
Блестят, возрастают, растут.
Но в этом слиянье мне радости нет,
Цветы предо мной не цветут.

Ребенку так нужен расцвет лепестка, –
Иначе зажжется ли взгляд.

Но нет предо мною в саду ни цветка,
Весь – белый безжизненный сад.

И стал я тихонько молиться в бреду,
И звезды дрожали в ответ.
И что-то как будто менялось во льду,
И таяли гроздьа планет.

И, в светлой, по новому, в той полумгле
Возникли потоки дождя.
Они прикоснулись к далекой Земле,
С высокого Неба идя.

Полмира окутал блистающий мост,
В нем разные были цвета,
В нем не было бледности мертвенных звезд,
Живая была красота.

О, чудо! О, радость! Вблизи, предо мной,
Вдруг ожил мой сказочный сад.
Цветы расцветали живой пеленой,
Был светел младенческий взгляд.

Раздвинулись полосы ровных аллей,
Светло заиграл изумруд.
Под частою чащей зеленых ветвей
Цветы голубые цветут.

Багряных, и алых, и желтых цветов
Росла золотая семья.
Ребенку так нужен расцвет лепестков,
И это так чувствовал я.

И в ландышах белых, от капель дождя,
Иначе зажглась белизна.
И дождь прекратился. И, с Неба идя,
Струилась лишь музыка сна.

Мы видим в младенчестве вещие сны,
Так близки мы к Небу тогда.
И этого сна, и цветов пелены,
Не мог я забыть никогда.

С звездой, блистая, сплеталась звезда,
Тянулась звезда до звезды.
И помню, я понял впервые тогда
Зиждительность светлой Воды.

Иного хотела мечта,
Хоть все же я в царстве Природы
Любил и цветы и цвета.

Блаженно, всегда и повсюду,
Мне чудились рокоты струн.
Я шел к неизвестному чуду,
Мечтателен, нежен, и юн.

И ночью пленительной Мая,
Да, в первую четверть Луны,
Мне что-то сверкнуло, мелькая,
И вновь я уверовал в сны.

Я помню баюканья бала,
Весь ожил старинный наш дом.
И музыка сладко звучала
В мечтающем сердце моем.

Улыбки, мельканья, узоры,
Желанные сердцу черты.
Мгновенно-слиянные взоры,
Цветы и мечты Красоты.

Все было вот здесь, в настоящем,
В волне нарастающих сил.
С желанною, в зале блестящем,
Я в вальсе старинном скользил.

И чудилось мне, что столетий
Над нами качался полет.
Но мы проносились, как дети,
И пол озарялся, как лед.

И близкое тело скользило,
Я нежно объятие длю.
«Ты любишь?» душа говорила.
Глаза говорили: «Люблю».

Друг другу сказали мы взором,
Что тотчас мы спустимся в сад.
И связаны тем договором,
Скользили, как тени скользят.

Лишь несколько быстрых мгновений,
И мы отошли от огней.
Мы в сумрак цветущих сиреней
С знакомых сошли ступеней.

И стройная музыка бала,
И вальса старинного звон,
Как дальняя сказка звучала,

И душу качала, как сон.

Но ближе другое влиянье
Слагало свой властный напев.
Все думы сожгло ожиданье,
И сердце блеснуло сгорев.

В саду, в том старинном, пустынном,
Где праздник цветов был мне дан,
Под светом планет паутинным
Журчал неумолчно фонтан.

О, как был узывчив тот сонный
И вечно живой водоем.
Он полон был мысли бездонной
В журчанье бессмертном своем.

Из раковин звонких сбегая,
И влагу в лобзаньях дробя,
Вода трепетала, сверкая,
Он лился в себя – из себя.

И снова, как в детстве, светили
Созвездья с немой высоты.
И в сладостно-дышащей силе
Цвели многоцветно цветы.

Но пряности их аромата
Сказали нам, с пением вод,
Что к прошлому нет нам возврата,
Что новое новым живет.

И пели так сладко свирели
В себя убегающих струй,
Что мы колебаться не смели,
И влажный возник поцелуй.

И радостных звезд чарованье
Светилось так странно в тот час,
Что влажное это слиянье
Навек пересоздало нас.

Я видел так ясно узоры,
Сплетенья, гирлянды планет,
И чьи-то бессмертные взоры
Хранили немеркнувший свет.

Лелея цветы мировые,
Меж звезд проходила Весна.
В той ночи прозрачной, впервые,
Я понял, как Влага нежна.

Боль, как бы ни пришла, приходит слишком рано.
Прошли, в течение лет, еще, еще года.
На шепчущем песке ночного Океана
Я в полночь был один, и пенилась Вода.

Вставал и упал прибой живой пустыни,
Рождала отклики на суше глубина.
Был тот же Океан, от века и доньше,
Но я не знал, о чем поет его волна.

В моем сознании иные волны пели,
Припоминания всего, что видел я.
И чудилась мне мать у детской колыбели,
И чудился мне гроб, любовь, и смерть моя.

В предельность точную замкнутые стремленья,
Паденье, высота, разорванный узор.
Все тех же вечных сил все новые сцепленья,
Моей души ночной качанье и простор.

Но за разорванной и многоцветной тканью
Я чувствовал мою – иль не мою – мечту.
В конце концов я рад всему, я рад страданью,
Я нити яркие в живой узор плету.

Но мне хотелось знать все содержанье смысла.
Куда же я иду? Куда мы все идем?
Скажите, звезды, мне, вы, замыслы и числа,
Вы, волны вечные, чьих влажных ласк мы ждем!

На Небе облака, нежней мечтаний летом,
В холодной ясности ночного Сентября,
Дышали призрачным неуловимым светом,
Как бы сознанием прошедшего горя.

От вод вставала мгла волнистого тумана,
И долго я смотрел на синий Небосклон.
И вот в мои зрачки – от зыбей Океана
И от высот Небес – вошел бессмертный сон.

Так глубока Вода, под Небом без предела,
Такая тайна в двух живет, всегда дыша,
Что может утонуть в их снах не только тело,
Но и глубокая всезрящая душа.

Из легкой водной мглы и из сияний звездных,
Из нежно-зыбкого воздушного руна,
Меж двух бездонностей, и в двух зеркальных безднах,
Возникла призрачно блаженная страна.

Мир, где ни мук, ни тьмы, ни страха, ни обиды,
Где все, плетя узор, в узорность сплетены.
Как будто города погибшей Атлантиды,
Преображенные, восстали с глубины.

Домов прекраснейших возникли мириады
Среди невиданных фонтанов и садов.
Я знал, что в тех стенах всегда лучисты взгляды,
И могут все сказать глаза живых – без слов.

Здесь каждый новый день был сказкой, как вчерашний,
Созданий мысленных, дрожа, росли леса.
Здесь каждый стройный дом кончался легкой башней,
И все, что на земле, всходило в Небеса.

Весь бледный, Океан слился с Небосклоном,
Нет нежеланного, ни в чем, ни где-нибудь.
Весь Мир наполнился одним воздушным звоном,
Вселенная была – единый Млечный Путь.

И этих бледных звезд мерцающие реки
Сказали молча мне, какой удел нам дан.
И в тот полночный час я стал иным навеки,
И понял я, о чем поет нам Океан.

ВОЗДУХ

Всюду звон, всюду свет,
Всюду сон мировой.
Будем, как Солнце

И, вечно вольный, забвеньем вею.
Тишина

ВОЗДУХ

1

Ветер веющий донес
Вешний дух ветвей.
Кто сплет о сказке грез?
Дразнит соловей.

Сказка солнечных лучей,
Свадьба всех цветов.

Кто сплет о ней звончей,
Чем художник слов!

Многочасочность цветов,
Радуга мечты.
Легкость белых облаков,
Тонкие черты.

В это царство Красоты,
Сердце, как вступить?
Как! Еще не знаешь ты?
Путь один: – Любить!

2

Полюби, сказала Фея
В утро майское мечте.
Полюби, шепнул, слабея,
Легкий Ветер в высоте.

И от яблони цветущей
Нежно-белый лепесток
Колыхнулся к мысли ждущей,
И мелькнул ей как намек.

Все кругом как будто пело:
Утро дней не загуби,
Полюби душою тело,
Телом душу полюби.

Тело, душу, дух свободный
Сочетай в свой светлый Май.
Облик лилии надводной
Сердцем чутким понимай.

Будь как лотос: корни – снизу,
В вязком иле, в тьме, в воде,
Но, взоидя, надел он ризу,
Уподобился звезде.

Вот, цветет, раскрылся, нежный,
Ласку Солнца жадно пьет,
Видит Небо, мир безбрежный,
Воздух вокруг него поет.

Сну цветения послушный,
Лотос с Воздухом слился.
Полюби мечтой воздушной.
Близки сердцу Небеса.

Воздух и Свет создают панорамы,
 Замки из туч, минареты, и храмы,
 Роскошь невиданных нами столиц,
 Взоры мгновением созданных лиц.

Все, что непрочно, что зыбко, мгновенно,
 Что красотой своей незабвенно,
 Слово без слова, признания глаз
 Чарами Воздуха вложены в нас.

Чарами Воздуха буйствуют громы
 После удушливо-знойной истомы,
 Радуга свой воздвигает дворец,
 Арка завета и сказка сердец.

Воздух прекрасен как гул урагана,
 Рокот небесно-военного стана,
 Воздух прекрасен в шуршанье листка,
 В ряби чуть видимой струй ручейка.

В серебристых пузырьках
 Он скрывается в реках,
 Там, на дне,
 В глубине,
 Под водою в тростниках.

Их лягушка колыхнет,
 Или окунь промелькнет,
 Глаз да глаз,
 Тут сейчас
 Наступает их черед.

Пузырьки из серебра
 Вдруг поймут, что – их пора.
 Буль – буль – буль,
 Каждый – нуль.
 Но на миг живет игра.

А веять, млеять, и лелеять
 Едва расцветшие цветки,
 В пространстве светлом нежно сеять
 Их пыль, их страсть, и лепестки.

И сонно, близко отдаленно

Струной чуть слышною звенеть,
Пожить мгновение влюбленно,
И незаметно умереть.

Отделить чуть заметную прядь
В золотистом богатстве волос,
И играть ей, ласкать, и играть,
Чтобы Солнце в ней ярко зажглось, –
Чтоб глаза, не узнавши о том,
Засветились, расширив зрачок,
Потому что пленительным сном
Овекает мечту ветерок, –
И, внезапно усилив себя,
Пронестись и примчать аромат,
Чтобы дрогнуло сердце, любя,
И зажегся влюбленностью взгляд, –
Чтобы ту золотистую прядь
Кто-то радостный вдруг увидал,
И скорее бы стал целовать,
И душою бы весь трепетал.

6

Воздух, Ветер, я ликую,
Я свершаю твой завет,
Жизнь лелея молодую,
Всем сердцам даю свой свет.
Ветер, Воздух, я ликую!

Но скажи мне, Воздух, ты
Ведь лелеешь все цветы?

Ты – их жизнь, и я колдую.
Я проведаль: Воздух наш,
Как душа цветочных чаш,
Знает тайну мировую!

7

Наш Воздух только часть безбрежного Эфира,
В котором носятся бессмертные миры.
Он круговой шатер, покров земного мира,
Где Духи Времени собираются для пира,
И ткut калейдоскоп сверкающей игры.

Равнины, пропасти, высоты, и обрывы,
По чьей поверхности проходят облака,
Многообразия живые переливы,
Руна заветного скользящие извивы,
Вслед за которыми мечта плывет века.

В долинах Воздуха есть призраки-травинки,
Взрастают-тают в нем, в единый миг, цветы,
Как пчелы, кружатся в нем белые снежинки,
Путями фэйными проходят паутинки,
И водопад лучей струится с высоты.

Несутся с бешенством свирепые циклоны,
Разгульной вольницей ликует взрыв громов,
И в неурочный час гудят на башнях звоны,
Но после быстрых гроз так изумрудны склоны
Под детским лепетом апрельских ветерков.

Чертогом радости и мировых слияний
Сверкает радуга из тысячи тонов,
И в душах временных тот праздник обаяний
Намеком говорит, что в тысячах влияний
Победно царствуют лишь семь первооснов.

От предрассветной мглы до яркого заката,
От белизны снегов до кактусов и роз,
Пространство Воздуха ликующе-богато
Напевом красочным, гипнозом аромата,
Многослиянностью, в которой все сошлось.

Когда под шелесты влюбляющего Мая
Белеют ландыши и светит углем мак,
Волна цветочных душ проносится, мечтая,
И Воздух, пьяностью два пола сочетая,
Велит им вместе быть – нежней, тесней – вот так.

Он изменяется, переливает краски,
Перебирает их, в игре неистощим.
И забывудки спят, как глазки детской сказки,
И арум яростен, как кровь и крик развязки,
И Жизнь идет, зовет, и все плывет как дым.

В Июльских Празднествах, когда жнецы и жницы
Дают безумствовать сверканиям серпа,
Тревожны в Воздухе перед отлетом птицы,
И говорят в ночах одна с другой зарницы
Над странным знаменьем тяжелого снопа.

Сжигают молнии – но неустанны руки,
Сгорают здания – но вновь мечта растет,
Кривою линией стенаний ходят муки,
Но тонут в Воздухе все возгласы, все звуки,
И снова – первый день, и снова – начат счет.

Всего таинственной незримости параллелей,
Передаваемость, сны в снах – и снова сны,
Дух невещественный вещественных веселий,

Ответность марева, в душе – напев свирелей,
Отображенья стран и звуковой волны.

В душе ли грезящих, где встала мысль впервые,
Иль в кругозорностях, где склеп Небес как синь,
В прекрасной разности, они всегда живые,
Созданья Воздуха, те волны звуковые,
И краски зыбкие, и тайный храм святынь.

О, Воздух жизненный! Прозрачность круговая!
Он должен вольным быть. Когда ж его замкнут,
В нем дышит скрытый гнев, встает отрава злая,
И, тяжесть мертвую на душу налагая,
Кошмары цепкие невидимо растут.

Но хоть велик шатер любого полумира,
Хранилище-покров двух наших полусфер,
Наш Воздух лишь намек на пропасти Эфира,
Где нерассказанность совсем иного мира,
Неполовинного, вне гор и вне пещер.

О, светоносное великое Пространство,
Где мысли чудится всходящая стезя,
Всегда одетая в созвездные убранства, –
В тебе миров и снов бездонно постоянство,
Никем не считанных, и их считать нельзя.

Начало и конец всех мысленных явлений,
Воздушный Океан эфирных синих вод,
Ты Солнце нам даешь над сумраком томлений,
И красные цветы в пожарах преступлений,
И в зеркале морей повторный Небосвод.

ЗЕМЛЯ

Цвет расцветшей жизни, нежный
изумруд.
Горящие Здания

Звезда, на которой сквозь Небо
мерцает трава.
Фата Моргана

ЗЕМЛЯ

Земля, я неземной, но я с тобою скован,
На много долгих дней, на бездну быстрых лет.
Зеленый твой простор мечтою облюбован,
Земною красотой я сладко заколдован,
Ты мне позволила, чтоб жил я как Поэт.

Меж тысячи умов мой мозг образовала
В таких причудливых сплетеньях и узлах,
Что все мне хочется, «Еще» твержу я, «Мало»,
И пытку я люблю, как упоенье бала,
Я быстрый альбатрос в безбрежных облаках.

Не страшны смелому безмерные усилья,
Шутя перелечу я из страны в страну,
Но в том весь ужас мой, что, если эти крылья
Во влаге омочу, исполненный бессилья,
Воздушный, неземной, я в Море утону.

Я должен издали глядеть на эти воды,
В которых жадный клюв добычу может взять,
Я должен над Землей летать не дни, а годы.
Но я блаженствую, я лучший сон Природы,
Хоть как я мучаюсь – мне некому сказать.

И рыбы бледные, немые черепахи,
Быть может, знают мир, безвестный для меня,
Но мне так радостно застыть в воздушном взмахе,
В ненасытимости, в поспешности, и страхе,
Над пропастью ночей, и над провалом дня.

Земля зеленая, я твой, но я воздушный,
Сама велела ты, чтоб здесь я был таким.
Ты в пропастях летишь, и я лечу, послушный,
Я страшен, как и ты, я чуткий и бездушный,
Хотя я весь – душа, и мне не быть другим.

Зеленая звезда, планета изумруда,
Я так в тебе люблю безжалостность твою,
Ты не игрушка, нет, ты ужас, блеск, и чудо,
И ты спешишь – туда, хотя идешь – оттуда.
И я тебя люблю, и я тебя пою.

В раскинутой твоей роскошной панораме,
В твоей, нестынувшей и в декабрых, Весне,
В вертепе, в мастерской, в тюрьме, в семье, и в храме
Мне вечно чудится картина в дивной раме,
Я с нею, в ней, и вне, и этот сон – во мне.

Сказал, и более я повторять не стану,
Быть может, повторю, я властен повторить: –
Я предал жизнь мою лучистому обману,

Я в безднах мировых нашел свою Светлану,
И для нее кручу блистающую нить.

Моя любовь – Земля, я с ней сплетен – для пира,
Легенду мы поем из звуковых примет.
В кошмарных звездностях, в безмерных безднах Мира,
В алмазной плотности бессмертного Эфира –
Сон Жизни, Изумруд, Весна, Зеленый Свет!

2

Странный мир противоречья,
Каждый атом здесь иной,
Беззаветность, бессердечье,
Лютый холод, свет с весной.

Каждый миг и каждый атом
Ищут счастья везде,
Друг за другом, брат за братом,
Молят, жаждут: «Где же? Где?»

Каждый миг и каждый атом
Вдруг с себя свергают грусть,
Любят, дышат ароматом,
Шепчут: «Гибнем? Что же! Пусть!»

И мечтают, расцветают,
Нет предела их мечте,
И внезапно пропадают,
Вдруг исчезнут в пустоте.

О, беспутница, весталка,
О, небесность, о, Земля!
Как тебе себя не жалко?
Кровью дышат все поля.

Кровью дышат розы, маки,
И дневные две зари.
Вечно слышен стон во мраке: –
«В гробе тесно! Отвори!»

«Помогите! Помогите!»
Что за странный там мертвец?
Взял Я нити, сплел я нити,
Рву я нити, есть конец.

Если вечно видеть то же,
Кто захочет видеть сон?
Тем он лучше, тем дороже,
Что мгновенно зыбок он.

Ярки маки, маки с кровью,
Ярки розы, в розах кровь.
Льни бесстрашно к изголовью,
Спи смертельно, встанешь вновь.

Для тебя же – мрак забвенья,
Смерти прочная печать,
Чтобы в зеркале мгновенья
Ты красивым был опять.

Люди, травы, камни, звери,
Духи высшие, что здесь,
Хоть в незримой, в близкой сфере,
Мир земной прекрасен весь.

Люди бледные, и травы,
Камни, звери, и цветы,
Все в своем явленьи правы,
Все живут для Красоты.

Все в великом сложном Чуде
И твореньи, и творцы,
Служат страсти звери, люди,
Жизнь идет во все концы.

Всюду звери, травы, камни,
Люди, люди, яркий сон.
Нет, не будет никогда мне
Жаль, что в Мире я рожден!

Все вражды, и все наречья –
Буквы свитка моего.
Я люблю противоречье, –
Как сверкнуть мне без него?

3

Небо – сверху, Небо – снизу,
Небо хочет быть двойным.
Я люблю святую ризу,
Я люблю огонь и дым,

Небо каждое мгновенье
На Земле и вокруг Земли.
Близок праздник просветленья,
Пусть он мнится нам вдали.

Небо так же вечно с нами,
Как доступная Земля.
Здесь мы слиты с облаками,
В Небе – здешние поля.

Звезды вечно с нами слиты,
Хоть небесный свод вдали.
Звездным светом перевиты
Все мечтания Земли.

4

Мерно, размерно земное страдание,
Хоть беспримерно по виду оно.
Вижу я в зеркале снов и мечтания,
Вижу глубокое дно.
Вечно есть вечер, с ним свет обаянья,
В новом явленье мечты и огни.
В тихие летние дни
Слышится в воздухе теплом жужжанье,
Гул голосов,
Звон и гуденье, как будто бы пенье
Тысяч, о, нет, мириад комаров,
Нет их меж тем в глубине отдаленья,
Нет и вблизи. Это сон? Наважденье?
Это – поднятье воздушных столбов.
Полосы воздуха вверх убегают.
Полосы воздуха нежно сверкают,
И непрерывность гуденья слагают,
Улей воздушный в садах облаков.

Мука долга, но короче, короче, –
Души предчувствуют лучшие дни.
В светлые зимние ночи
В Небо взгляни.
Видишь созвездья, и их постоянства?
Видишь ты эту бездонность пространства?
В этих морях есть свои жемчуга.
Души там носятся в плясках навеки,
Вихри там просятся в звездные реки,
Всплески созвездные бьют в берега.
Чу, лишь сознанию внятные струны,
С солнцами солнца, и с лунами луны,
Моря планетного мчатся буруны,
Твердость Эфира лучами сверля, –
Марсы, Венеры, Вулканы, Нептуны,
Вот! между ними – Земля!
Где же все люди? Их нет. Все пустынно.
Все так духовно, согласно, причинно.
Нет человеков нигде.
Только твоя гениальность сознания,
Сердца бездонного с сердцем слиянье,
Песня звезды к отдаленной звезде.
Полосы, полосы вечного Света,
Радостной тайною Небо одето, –

Близко так стало, что было вдали.
Непостижимо-прекрасное чудо: –
Мчимся туда мы, ниспавши оттуда,
В глыбах бесцветных – восторг изумруда,
Майская сказка Земли.

5

В зеленом и белом тумане,
И в дымке светло-голубой,
Земля в мировом караване
Проходит, любуясь собой.

Растенья земные качает,
Поит опьяненьем цветы.
И ночь мировая венчает
Невесту небесной мечты.

Сплетает в союзе небесном
То с Солнцем ее, то с Луной,
С Венерой в содружестве тесном
С вечерней своей тишиной.

Всех любит Земля молодая,
Ей разных так сладко любить,
Различностью светов блистая,
Стожизненным можешь ты быть.

И вот половиною шара,
В котором Огонь без конца,
В горенье дневного пожара
Земля опьяняет сердца.

И в это же самое время
Другой половиной своей
Чарует влюбленное племя
Внушеньями лунных лучей.

И странно желанно слиянье
С Землею двух светочей в Три.
Люби, говорит обаянье,
Бери – мы с тобою цари.

Качает нас Вечность, качает,
Пьянеют земные цветы.
И Полночь, и День отвечает
Невесте небесной мечты.

6

Земля, ты так любви достойна за то, что ты всегда иная,
Как убедительно и стройно все в глуби глаз, вся жизнь земная.
Поля, луга, долины, степи, равнины, горы, и леса.
Болота, прерии, мареммы, пустыни, Море, Небеса.
Улыбки, шепоты, и ласки, шуршанье, шелест, шорох, травы,
Хребты безмерных гор во мраке, как исполинские удавы,
Кошмарность ходов под землею, расселин, впадин, и пещер,
И храмы в страшных подземельях, чей странен сказочный размер.
Дремотный блеск зарытых кладов, целебный ключ в тюрьме гранита,
И слитков золота сокрытость, что будет смелыми открыта.
Паденье в пропасть, в мрак и ужас, в рудник, где раб – как властелин,
И горло горного потока, и ряд оврагов меж стремнин.
В глубоких безднах Океана – дворцы погибшей Атлантиды,
За сном потопа – вновь под Солнцем – ковчег Атлантов, Пирамиды,
Землетрясения, ужасность – тайфуна, взрытости зыбей,
Успокоительная ясность вчера лишь вспаханных полей.

7

Земля научает глядеть – глубоко, глубоко.
Телесные дремлют глаза, незримое светится око.
Пугаясь, глядит
На тайну земную.
Земля между тем говорит: –
Ликуй – я ликую.
Гляди пред собой,
Есть голос в веселом сегодня, как голос есть в темном вчера.
Подпочва во впадине озера – глина, рухляк, перегной,
Но это поверхностный слой: –
Там дно, а над дном глубина, а над глубиью волна за волной.
И зыбится вечно игра
Хрусталя, бриллиантов, сапфира, жемчугов, янтарей, серебра,
Порождаемых Воздухом, Солнцем, и Луной, и Землей, и Водой.
Слушай! Пора!
Будь – молодой!
Все на Земле – в переменах, слагай же черту за чертой.
Мысли сверкают,
Память жива,
Звучны слова.
Дни убегают, –
Есть острова.
Глубочайшие впадины синих морей
Неизменно вблизи островов залегают.
Будь душою своей –
Как они,
Те, что двойственность в слитность слагают.
Ночи и дни,
Мрак и огни.
Мысли сверкают,
Память жива.
Не позабудь острова.

В дикой пустыне, над пропастью вод,
Нежный оазис цветет и цветет.
Сном золотом
Нежит игра.
Нынче – как дым –
Станет вчера.
Духом святым,
Будь молодым.
Время! Скорее! Пора!

8

Слышу я, слышу твой голос, Земля молодая,
Слышно и видно мне все: я – как ты.
Слышу, как дышат ночные цветы,
Вижу, как травка дрожит, расцветая.
Только мне страшно какой-то внезапной в душе пустоты.
Что же мне в том, что возникнут черты?
То, что люблю я, бежит, пропадая.
Звучен твой голос, Земля молодая.
Ты многоцветна навек.
Вижу я цвет твой и тайные взоры.
Слышу я стройные струнные хоры,
Голос подземных и солнечных рек, –
Только мне страшно, что рвутся узоры,
Страшно, Земля, мне, ведь я Человек.
Что ж мне озера, и Море, и горы?
Вечно ли буду с одною мечтой!
Юноша страшен, когда он седой.

9

Явственно с горного склона я
Вижу, что ты
Не только зеленая.
В пурпур так часто ты любишь рядить
Нежность своей красоты,
Красную в ткани проводишь ты нить.
Ты предстаешь мне как темная, жадная,
И неоглядная,
Страшно-огромная, с этими взрывами скрытых огней,
Вся еще только – намек и рождение,
Вся – заблуждение
Быстрых людей и зверей,
Вся еще – алчность и крики незнания,
Непонимание,
Бешенство дней и безумство ночей,
Только сгорание, только канун просветления,
Еле намеченный стих песнопения
Блесков святых откровения,

С царством такого блаженства, где стон не раздастся ничей.

10

Да, я помню, да, я знаю запах пороха и дыма,
Да, я видел слишком ясно: – Смерть как Жизнь непобедима.
Вот, столкнулась груды с грудой, туча с тучей саранчи,
Отвратительное чудо, ослепительны мечи.
Человек на человека, ужас бешеной погони,
Почва взрыта, стук копыта, мчатся люди, мчатся кони,
И под тяжестью орудий, и под яростью копыт,
Звук хрустенья, дышат люди, счастлив, кто совсем убит.
Запах пороха и крови, запах пушечного мяса,
Изуродованных мертвых сумасшедшая гримаса.
Новой жертвой возникают для чудовищных бойниц
Вереницы пыльных, грязных, безобразных, потных лиц.
О, конечно, есть отрада в этом страхе, в этом зное: –
Благородство безрассудных, в смерти светлые герои.
Но за ними, в душном дыме, пал за темным рядом ряд
Против воли в этой бойне умирающих солдат.
Добиванье недобитых, расстрелянье дезертира, –
На такой меня зовешь ты праздник радостного пира?
О, Земля, я слышу стоны оскверненных дев и жен,
Побежден мой враг заклятый, но победой Я сражен.

11

Помню, помню – и другое. Ночь. Неаполь. Сон счастливый.
Как же все переменялось? Люди стали смертной нивой.
Отвратительно-красивый отблеск лавы клочкотал,
Точно чем-то был подделан между этих черных скал.
В страшной жидкости кипела точно чуждая прикраса,
Как разорванное тело, как растерзанное мясо.
Точно пиния вздымался расползающийся пар,
Накоплялся и взметался ужасающий пожар.
Красный, серый, томно-серый, белый пар, а снизу лава, –
Так чудовищный Везувий забавлялся величаво.
Изверженье, изверженье, в самом слове ужас есть,
В нем уродивость намеков, всех оттенков вам не счесть.
В нем размах, и пьяность, рьяность огневого водопада,
Убедительность потока, отвратительность распада.
Там в одной спаленной груды – звери, люди, и дома,
Пепел, более губящий, чем Азийская чума.
Свет искусства, слово мысли, губы в первом поцелуе,
Замели, сожгли, застигли лавно-пепельные струи.
Ненасытного удава звенья сжали целый мир,
Здесь хозяин пьяный – Лава, будут помнить этот пир.

12

Что же, что там шелестит?
Точно шорох тихих вод.
Что там грезит, спит не спит,
Нарастает и поет?

Безглагольность. Тишина.
Мир полночен. Все молчит.
Чья же там душа слышна?
Что так жизненно звучит?

Голос вечно-молодой,
Хоть почти-почти без слов.
Но прекрасный, но святой,
Как основа всех основ.

Перекатная волна.
Но не Море. Глубоко
Дышит жизнь иного сна.
Под Луной ей так легко.

Это нива. Ночь глядит.
Ласков звездный этот взгляд.
Нежный колос шелестит.
Все колосья шелестят.

Отгибаются, поют,
Наклоняются ко сну.
Соки жизни. Вечный труд
Кротко льнет зерно к зерну.

Что там дальше? Целый строй
Неживых – живых стволов.
Гроздь ягод над землей,
Вновь основа всех основ.

На тычинках небольших
Затаенная гроза,
Звонкий смех и звонкий стих,
Миг забвения, лоза.

Радость светлая лица,
Звезды ласково глядят.
Зреет, спеет без конца
Желтый, красный виноград.

Эти ягоды сорвут,
Разомнут их, выжмут кровь.
Весел труд. Сердца поют.
В жизни вновь живет Любовь.

О, победное Зерно,

Гроздья ягод Бытия!
Будет белое вино,
Будет красная струя!

Протечет за годом год,
Жизнь не может не спешить.
Только колос не пройдет,
Только гроздья будут жить.

Не окончатся мечты,
Всем засветится Весна!
Литургия Красоты
Есть, была, и быть должна!

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 2.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>